

Тени утренней росы

Автор:

Татьяна Воронцова

Тени утренней росы

Татьяна Воронцова

«Как только мужчина и женщина перестают сражаться друг с другом, они становятся счастливыми». Прекрасная мысль, которая редко приходит нам в голову. Грубые, заносчивые мужчины не встречают понимания у обидчивых, строптивых женщин – вот и вся любовь. Но если повезет встретить человека, с которым можно отпустить себя на волю, жизнь уже никогда не станет прежней! Елена не верила в любовь, которая меняет не только мир вокруг, но и самого человека. Не верила до тех пор, пока не приехала отдохнуть на древний загадочный остров Крит.

Воронцова Татьяна

Тени утренней росы

Так же как актер всегда остается человеком, надевает ли он костюм своего персонажа или откладывает его в сторону, так и полностью познавший Нетленное всегда остается Нетленным и ничем более.

Шанкарашаръя. «Вивекашадамани»

Полдень. Вещи и люди почти не отбрасывают тени. И вновь, как вчера и позавчера, я удивляюсь, обнаружив себя здесь, на узкой извилистой дороге, ведущей к монастырю Превели, неподалеку от того места, где горная река Мегалопотамус, вырвавшись из впечатляющего своей суровой первозданной красотой ущелья Курталиотики, впадает в Ливийское море.

Жизнь дала трещину, и это было вполне предсказуемо, если не сказать – закономерно. Беда в том, что я никогда всерьез не задумывалась о будущем. И не задумываюсь до сих пор.

Припарковавшись на плоской, как ладонь, площадке по соседству с экскурсионным автобусом, я вхожу в монастырский двор (привратник окидывает меня придирчивым взглядом, но я в джинсах и хлопчатобумажной блузке с коротким рукавом, что полностью соответствует требованиям этикета), привычно бреду вдоль стены, которую украшает мемориальная доска с текстом о подвигах солдат Британского Содружества в годы Второй мировой войны, приближаюсь к собору с двумя полукруглыми нефами и двумя алтарями, разобранному при турках и восстановленному при веротерпимых египтянах. Сворачиваю за угол и там, на каменных ступенях, ведущих к монашеским кельям, снова вижу этого парня с папкой на коленях и кусочком рисовального угля в руке.

Похоже, он приезжает сюда ежедневно. Как, впрочем, и я. Но если его еще можно понять (он здесь по делу, вдохновенно переводит бумагу, к тому же, по-видимому, не очень далеко живет), то меня... меня-то что гонит сюда за пятьдесят километров? Монастырский музей (иконы, священные сосуды, терновый венец, облачение и оружие инок, участников освободительного движения) я уже осмотрела. На скамье перед Святыми вратами посидела. Полюбовалась превосходной панорамой южного побережья области Рефимно. Пора осваивать новые маршруты! Однако я снова здесь.

Черноволосый парень в застиранных джинсах и клетчатой рубашке навывпуск рисует левой рукой. Раньше я этого не замечала. Да я его и не разглядывала. Сидит на солнцепеке без головного убора...

Ну, хватит. Я рассердилась на себя. В конце концов, мне-то что за дело?

Он тоже увидел меня. Узнал, с мимолетной улыбкой кивнул. Черт, этого только не хватало! Я не собираюсь знакомиться с ним. Я не собираюсь знакомиться ни с кем. Мне спокойнее под моей шапкой-невидимкой.

Торопливо вступаю под своды собора, останавливаюсь у алтаря Благовещения Девы Марии.

Здесь полумрак и прохлада. Тихонько потрескивают свечи. Чей-то силуэт загораживает дверной проем. Оборачиваюсь и со стыдом ловлю себя на мысли... ну да, почему-то я была уверена, что это мой художник. Так-так. А с какой стати я называю его своим?

Как бы там ни было, это не он. Просто какой-то одинокий турист.

Выхожу на улицу, на яркий солнечный свет, и бреду через двор, мимо колодца, вниз по лестнице – к фонтану. Здесь никого нет. Со вздохом облегчения присаживаюсь на каменный бордюр и, постепенно впадая в транс, смотрю сквозь стекла солнцезащитных очков на сапфировую гладь Ливийского моря, блистающую у подножия гор.

Спустя два часа он все еще рисует – увлеченно, неумоимо. По правде говоря, меня уже разбирает любопытство, но заглядывать ему через плечо я считаю недопустимым. Всё равно что читать без спросу письма или подслушивать телефонные разговоры. Сама я давно уже не рисую, несмотря на имеющиеся навыки и специальное образование. Раньше – да. Время от времени. Когда была помоложе и не так ленива... Да нет, дело не в том. Просто в какой-то момент я поняла, что проектирование зданий не для меня. И перестала этим заниматься. А вскоре перестала и рисовать.

Встречать тусклый рассвет на громадных серых валунах под стенами Соловецкого монастыря, ежиться от ветра в короткой джинсовой курточке и рисовать, рисовать. Вот уж романтика! Обветренные губы, на лице ни грамма косметики – восемнадцатилетний гений, студентка Московского архитектурного института. Обязательная для всех практика после первого курса. Славное времечко: житье-бытье на втором этаже пустующей в период летних каникул деревенской школы. Раскладушки в ряд у стены (мальчики – 8-й «А» класс, девочки – 8-й «Б»), по вечерам плавающий под потолком сигаретный дымок

(югославские сигареты «Ядран» с фильтром, пропитанным вьетнамским бальзамом «Золотая звезда», что делало их восхитительно ментоловыми, – о, студенческая смекалка!), днем архитектурные обмеры бревенчатых домов, объявленных памятниками старины, и – чертежи... нескончаемые чертежи. Кипы, тонны чертежей. Подобная работоспособность свойственна только студентам. Полуголодные (на дворе начало восьмидесятых, в продовольственных магазинах только водка и консервы), счастливые, обалдевшие от избытка впечатлений, после каторжной работы над планами и фасадами мы спешим к берегу Белого моря или на широкое монастырское подворье – рисовать. Белое море, белые ночи... Вот где никто не заглядывал через плечо. Хмурые коренастые поморы только косились в нашу сторону с плохо скрытой неприязнью и ни разу не пытались поговорить. Мы были для них чужаками – слишком шумными, слишком заметными, слишком молодыми.

Да, есть что вспомнить. Перед сном в школьном классе, декорированном под общую спальню, – шепот, хихиканье, маленькие девичьи секреты. Днем – ползание на карачках с рулеткой и блокнотом по нежилым теперь уже горницам, светелкам и погребам добротных бревенчатых срубов. Абсолютное, беспредельное счастье, полное отсутствие мыслей о будущем. Катание на лодках по лабиринтам каналов, прорытых сто лет назад трудолюбивыми монахами. Каналов с красной от повышенного содержания железа ледяной водой, где под днищем лодки висят серебристые щуки, похожие на металлических монстров. Корабельные сосны, взмывающие до самого неба. Незабвенная подруга Надежда, позже предавшая меня и до сих пор не прощенная мною. Суета.

Поднимаясь по лестнице, я нарочно стараюсь не смотреть в его сторону, хотя и не знаю наверняка, там ли он еще. Мог ведь уехать. Ох... С папкой под мышкой и рюкзаком за спиной он направляется туда же, куда и я, – к выходу. Высокий, очень худой, с прямыми, развернутыми плечами и танцующей походкой манекенщика. Но манекенщики не просиживают часами на ступенях древней обители, пытаюсь выразить на бумаге подавляющее величие здешних мест.

Его хищная грация пленяет меня, и некоторое время я просто люблю издали каждым его шагом. Но тут он оборачивается и замирает на месте, будто перед ним не крашеная блондинка неопределенного возраста в шляпке и темных очках, а какой-нибудь Минотавр.

Кажется, у меня проблема. Он стоит, поджидая меня, прямо посреди площади, и нет никакой возможности избежать нежелательного знакомства. Боже, ну почему я такая дикая? Почему не могу просто подойти и поздороваться с человеком?

Глаза его скрыты стеклами солнцезащитных очков. Черные волосы, отросшие почти до плеч, перетянуты на лбу кожаным ремешком, как у индейца.

– Говорите по-английски? – спрашивает он. Тоже, разумеется, по-английски.

– Да, – отвечаю я после мучительных колебаний. – Немного.

– Немного? – Его одобрительная усмешка почему-то вызывает у меня негодование. – Хорошее начало. Обычно люди говорят слишком много и этим все портят.

Тембр его голоса завораживает. Баритон с легкой болезненной хрипотцой. Перекупался, что ли?

– Вы ходили к фонтану? – интересуется он, разглядывая меня сквозь темные стекла очков. Это страшно бесит, ослабляя мою решимость сохранить инкогнито. – Вам понравилось? Там сверху выбит знаменитый византийский палиндром[1 - Палиндром (перевертень) – слово, фраза или стих, одинаково читающиеся слева направо и справа налево, например, «кабак».], вы заметили? Знаете, что он означает?

– Что?

– Смой все грехи, не только грязь с лица.

Образованный, да? Что ж, примем к сведению. Уже у самых ворот он замедляет шаг и неожиданно спрашивает:

– Вы православная?

– А какое это имеет значение?

– Для православных вход в монастырь бесплатный. Конечно, это не так важно, но вы приходите каждый день...

Одарив меня странной улыбкой, лукавой и застенчивой одновременно, он поворачивается к привратнику и, к моему безграничному изумлению, начинает говорить с ним по-гречески. Бегло, без запинки, как на родном языке. Тот смотрит на меня, кивает, задает какой-то вопрос. Вопрос, ответ – обычное дело, вот только я не понимаю ни слова.

– Можете приходить в любое время, – объявляет мой спутник, завершив переговоры. – Вас пропустят без билета.

– Вас тоже пропускают без билета?

– Да, но по другой причине.

Пытается заинтриговать? Вряд ли. Несмотря на первоначальную неловкость и даже панику, вызванную его бесцеремонным вторжением в мой микрокосм, я все же признаю, что давно не встречала человека, которому удавалось бы держаться так раскованно, абсолютно естественно, без всякой фальши.

– А вы, наверное, католик?

Опять эта улыбка, похожая на молчаливые извинения. Снимет он, наконец, свои очки или нет?

– Католик? Не знаю. Боюсь, со временем я перестал чувствовать разницу.

Сильно сказано – «со временем»... Так, будто ему лет девяносто, в то время как ему от силы двадцать пять.

Тема эта слишком обширна и многогранна, чтобы обсуждать ее при сорокаградусной жаре на открытой автомобильной стоянке, откуда начинается не самый комфортабельный в мире спуск в долину Превели, поэтому я начинаю прощаться.

– Приходите завтра, – говорит он без улыбки. – В одиннадцать часов. Придете?

Ах, мерзавец!.. Я чувствую себя в западне. Сказать «да» – значит связать себя обязательством. Сказать «может быть» – это уже кокетство.

– Вы видели Нижний Превели?

Название он произносит по-гречески: Като-Превелис.

– Нет? Я покажу вам. Это недалеко. Сейчас он закрыт для посещения, но мы перелезем через ограду.

Я пытаюсь представить себя перелезающей через ограду в компании этого молодого хиппи, и мне становится нехорошо.

– Вы сошли с ума.

– Да. – Он очень серьезен. – И надо сказать, это было делом не одного дня.

– Завтра? – Я сосредоточенно перебираю в уме список несуществующих дел. – Не обещаю, но постараюсь.

Мой уклончивый ответ обескураживает его, и он не считает нужным это скрывать.

– Вы всегда так чертовски благоразумны?

А как же! Благоразумие – оно-то в конечном итоге и привело к этому состоянию коллапса, в котором ты обнаружил меня, прекрасный принц. А ты? Тебе что же, удалось стряхнуть с себя всю эту шелуху, именуемую приличиями, чувством ответственности, здравым смыслом?

– Ладно, – произносит он наконец, убедившись в том, что я безнадежна. – Если надумаете, вы знаете, где меня найти.

Все-таки люблю я разговаривать с англичанами. Как мило прозвучало это well, по-русски так ни за что не скажешь. Если бы при этом он еще следил за произношением, а то ведь бормочет, будто у него каша во рту. Но на слух

красиво, особенно если не вдумываться в смысл. Просто слушать как музыку. Как речь аборигенов какого-нибудь меланезийского архипелага.

Я иду к машине, он – к мотоциклу. Оказывается, эта черная «ямаха», которую я заметила еще вчера, принадлежит ему.

– Последний вопрос, – окликает он меня, когда я уже распахиваю дверцу своей малышки. – Вы приезжаете сюда каждый день. Почему?

Why? Он хочет знать why... Собираюсь с силами для правдивого ответа.

– Мм... Думаю, из-за дороги.

Брови его недоуменно приподнимаются, и я делаю попытку объяснить:

– Видите ли, здешние дороги, особенно последние шесть километров до Превели... Когда я ехала сюда первый раз, то на полпути вообще думала повернуть обратно. Мало того, что они не очень широкие, так еще и петляют то вправо, то влево, то в гору, то с горы. – Свою речь я сопровождаю жестикуляцией, что в общем-то мне несвойственно. – С одной стороны склон, с другой обрыв. И никаких ограждений! – Перевожу дыхание и всматриваюсь в лицо собеседника, бесстрастное, как у индейца. Должно быть, он считает меня идиоткой. – Второй раз тоже было не очень приятно, но уже легче. А сегодня я и не заметила, как добралась.

Он хмыкнул:

– Пожалуй, это причина, – и добавил после короткой паузы: – На западном побережье Крита есть такие места, по сравнению с которыми дорога на Превели – просто Бродвей.

Отвязный чувак на большом черном мотоцикле. Наверняка из хорошей семьи. Рисует, говорит по-гречески, лазает через заборы. Авантюрист доморощенный.

Выруливая со стоянки, я провожаю взглядом его «ямаху», уже набравшую приличную скорость. Минуту назад я имела удовольствие наблюдать, как красиво он стартует, а теперь шепчу себе под нос не то молитву, не то

заклинание, от всего сердца надеясь, что он не свернет себе шею на этих убийственных виражах.

Когда я огибаю склон горы и по крутой дуге начинаю спуск к ущелью Курталиотико, мотоциклист на короткое время вновь оказывается в поле моего зрения. Он уже далеко, на подступах к следующему повороту. Ладони мои становятся влажными. Тормози же, дурак, тормози... И тут же мне становится стыдно за свою слабость. Почему с ним обязательно должно что-то случиться? И вообще, с какой стати я так разнервничалась, ведь это же совершенно чужой человек!

На той же скорости он уверенно проходит поворот и скрывается с глаз.

Прости, художник, чьего лица я так толком и не разглядела, но на руины Като-Превелис ты полезешь без меня. Курортный роман с иностранцем – это не то, в чем я нуждаюсь в настоящий момент. Мне будет легко забыть тебя.

2

Я иду по мосту, ни с того ни с сего оказавшемуся на месте знакомой, исхоженной вдоль и поперек улицы моего родного города. На мне длинный плащ и солнцезащитные очки. Мост не то через реку, не то через пропасть, а по ту сторону – какой-то сказочный пейзаж. Хорошо видны беломраморные лестницы, анфилады и пропилеи, стройные и соразмерные колонны античных храмов, фонтаны посреди цветущего сада, прогуливающиеся по аллеям празднично разодетые люди. Полная радостных предчувствий, я устремляюсь вперед, но чья-то невидимая рука срывает с меня очки, которые падают на асфальт и разбиваются вдребезги.

От неожиданности я останавливаюсь, разглядываю осколки, сверкающие у моих ног. Потом поднимаю голову и что же вижу?.. Мост, до середины которого остается каких-нибудь десять шагов, уже не выглядит таким надежным, как поначалу. Напротив, перейти по нему на ту сторону нет ни малейшей возможности! Посередине зияет глубокая трещина, а из нее вырываются струи горячего пара, брызги кипящей смолы, красные языки пламени и прочие хрестоматийные ужасы, которые традиционно символизируют преисподнюю. На

самом краю трещины, преграждая путь смельчакам, в огненном зареве пляшут и кривляются жуткие твари, одна другой страшнее. Вместо волос ядовитые змеи, с острых клыков капает кровь. Это не призраки – это существа из плоти и крови, настоящие исчадия ада, и они мало-помалу приближаются ко мне.

В панике я оборачиваюсь, чтобы узнать хотя бы, кто и зачем сорвал с меня очки. В очках я бы смогла безопасно добраться до чудесного города! Откуда такая уверенность, я, правда, не знаю. Возможно, это заблуждение. Итак, я оборачиваюсь и вижу злоумышленника. Он совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. И хотя в его облике нет ничего пугающего, выглядит он престранно. Человек, но с таким обилием патологий, что назвать его мужчиной или женщиной можно только с натяжкой. Черты лица расплываются, тают, обозначаются на какой-то миг и тут же вновь ускользают от восприятия. Выражение глаз беспрестанно меняется, играя гневом, любовью, сочувствием и лукавством, кожа становится то белой, то шоколадно-коричневой, то желтой, то зеленой. Созерцание этого калейдоскопа лиц способно свести с ума. Тело его находится в постоянном движении: руки сгибаются и разгибаются, ноги выписывают немыслимые кренделя, суставы, кажется, гнутся во всех направлениях. В целом он производит впечатление чего-то вязко-текучего, полиморфного, неуловимого, как Протей[2 - Протей – в греческой мифологии морское божество, обладающее пророческим даром и способностью принимать любой желаемый облик.]. К тому же он смеется.

– Извини, это просто шутка. Иди дальше. Очки тебе больше не нужны.

Он не произносит это вслух, его голос звучит прямо у меня в голове, как и смех.

– Я не могу, – возражаю я. Тоже, кажется, мысленно.

– Не можешь? Почему?

Тем временем чудища подбираются все ближе.

– Они убьют меня, – говорю я в отчаянии. – Разорвут на части. Я умру!

– Конечно, умрешь, – соглашается он. – А ты хотела попасть в страну бессмертных, не вкусив смерти? Опомнись, Инанна. К чему тащить за собой весь этот хлам?

Пританцовывая на месте с грацией феи или русалки, он касается моей правой руки, и кожа начинает сползать с нее, подобно змеиной, обнажая кости. С криком ужаса я отдергиваю руку, его прикосновение причиняет дикую боль.

– Это я и пытаюсь объяснить тебе, дитя, – звучит негромкий, подобный музыке голос. – Ты слишком уязвима в этом теле. Тебе надо измениться, если ты хочешь продолжить свой путь.

– Не могу, – отвечаю я, вся дрожа. И начинаю пятиться назад. – Пожалуйста, отпусти меня.

– А кто тебя держит?

Со смехом он протягивает мне очки, целые, без единой царапины. Надев их, я уже не вижу ни этого странного существа, ни монстров из трещины, ни самой трещины. Самый обыкновенный мост, и я – единственный пешеход. Позади – город, откуда я пришла; впереди – город, куда я направлялась. Передохнув, я решаю идти не назад, а вперед, на этот раз в очках. Однако и вторая моя попытка заканчивается неудачей. Та же невидимая рука сдергивает с меня очки и разбивает об асфальт.

– Пойми, в очках ты можешь двигаться только назад. Чтобы идти вперед, тебе необходимо обрести зрение.

– Да кто ты такой? – кричу я и в ярости топаю ногами.

Осколки брызжут из-под моих каблуков. Я слышу смех. Тот же ужасный смех. И больше ничего.

– Ладно. – Из глаз моих льются слезы, но я, вопреки собственному нежеланию, делаю шаг за шагом до тех пор, пока не оказываюсь возле самого края обрыва. – Что дальше?

– Вперед, – звучит за моей спиной спокойный голос.

– Вперед – куда?..

Ответа нет.

Во сне мне вспоминается фильм – это уже форменное безумие – голливудский фильм про археолога Индиану Джонса. Он стоит, так же как я сейчас, у края пропасти и лихорадочно соображает, что же делать дальше. Что все это значит? В чем подвох? Я помню, что он в итоге сделал, и делаю то же самое. Шаг вперед. Шаг в пустоту, чем бы это ни грозило. И чувствую под ногой твердую почву. Огненные твари жалят меня со всех сторон, но я иду через плюющуюся огнем трещину, содрогаясь от ужаса и сознания невозможности повернуть назад. Точка пути, в которой это было еще возможно, пройдена. Конец. Спасения нет.

– Не бойся.

Та же рука, что разбила мои очки, вешает мне на шею амулет – гладкий равносторонний крест на золотой цепочке. Амулет тоже непрерывно меняет форму. Через минуту он становится свастикой, еще через минуту – змеей, кусающей свой хвост, и так далее, до бесконечности. Целый ряд символов, значение которых мне неизвестно.

Я иду вперед, а мост рушится за моей спиной с оглушительным грохотом. Помня о печальной участи жены Лота[3 - В ветхозаветном предании жена Лота, племянника Авраама, была превращена в соляной столп за то, что нарушила запрет Яхве и оглянулась назад, когда ангелы выводили семью Лота из гибнущего в огне города Содома.], я не оборачиваюсь, но дрожу всем телом. Мои волосы встают дыбом. Я кричу. И просыпаюсь в холодном поту, с тяжело бьющимся сердцем.

Это только сон. Только сон.

Я лежу в своей постели в одноэтажном белом домике на северном побережье Крита, неподалеку от селения Аделе, куда приехала, чтобы обрести душевный покой и уверенность в себе. Через щель между занавесками в комнату проникает яркий солнечный свет, за стеной слышится возня и осторожные шаги Урании, которая убирается в гостиной.

Услуги Урании, как и многое другое, в том числе сам дом со всей системой жизнеобеспечения, оплачивает некий преуспевающий бизнесмен из Гамбурга,

потому что я, так уж получилось, младшая сестра его жены. Она-то и предложила мне пожить здесь до начала июля, а если понравится, то и до осени. Мол, поскучай немного, а там и я с детьми подъеду. До их приезда оставалось восемь с половиной недель.

Дом просто великолепен. Четыре комнаты (три спальни и гостиная), кухня-столовая, небольшая кладовка, санузел с ванной плюс увитая цветущей бугенвиллеей терраса, не говоря уж про выложенный голубой кафельной плиткой бассейн.

Но в бассейне я не купаюсь. Вместо этого я складываю в пакет купальный костюм, полотенце и крем от загара, сажусь в серебристую «киа-пиканто» и еду на один из пустынных пляжей Аделиано-Кампо. В разгар сезона здесь яблоку негде упасть, а сейчас, в середине апреля, туристов не так уж много, да и те, что есть, все больше отсиживаются на берегу.

Я уже успела побродить по узким улочкам Старого города, посидеть в тени у фонтана Римонди, выпить восхитительный черный кофе в таверне на набережной с видом на Микро-Кастро и в одном из ювелирных магазинов на улице Аркади купить себе греческий православный крест.

Венецианская гавань Рефимно переполнена рыбацкими лодками и прогулочными катерами. Кипучая деятельность, отрывистая незнакомая речь, темные глаза, смуглые лица, головокружительный запах морской воды... Это Крит, твержу я про себя, повторяю как заклинание. Крит, родина великого бога древних. Земля, исполненная благодати. Она, и только она дарует исцеление тому, кто безнадежно увяз в лабиринте ничтожных, абсурдных, сиюминутных житейских проблем.

«Размазней ты была, размазней и осталась, – сказала мне Ритка при встрече (муж называл ее Марго, но для меня она была по-прежнему Ритка), – младшая дочь, с тобой вечно носились. Можно подумать, ты единственная женщина, пережившая развод. Не бедствуешь – это главное. А нечего было выходить за дурака! Помиришься с папой, и у тебя все будет».

С папой я помирилась, кровь не водица. А дальше-то что? Где источник живой и мертвой воды? Кто я есть – там, внутри, под этой жалкой, издерганной, рефлексирющей оболочкой?.. Все это здорово портило мне настроение. Позади

остались зима, потом весна, а я все ходила кругами по выжженным землям своего Царства несбывшихся надежд и не находила там ни золотого ключика, ни волшебной дверцы за нарисованным очагом, которую можно было бы этим ключиком отворить. Словом, я переживала то, что Кэмпбелл в своем фундаментальном труде «Маски бога» называет «темной ночью души».

На свидание к художнику с походкой танцора я, разумеется, не поехала. Мальчик на десять лет моложе. Ну, допустим, не на десять. Допустим, на восемь. Но уж на шесть-то наверняка! Нет, дорогие мои, я еще не выжила из ума.

А тут еще этот сон, точнее, кошмар. Давненько мне не снилось ничего подобного. Смеющийся демон: опомнись, Инанна. Инанна – богиня древних шумеров, одной из первых совершившая *descensus ad inferos* [4 - Сошествие в ад (лат.).] и благополучно вернувшаяся обратно. Почему он назвал меня так? Кто он такой? Танцующие движения. Космический танец Шивы. Мать честная, что за каша у меня в голове?

...и ответил бог: «Мой дорогой Арджуна, сын Притхи, созерцай же теперь мое великолепие, сотни тысяч разнообразных божественных и многоцветных форм. Смотри на все эти чудеса, которых до тебя никто не видел и о которых никто никогда не слышал. О, Арджуна, что бы ты ни захотел увидеть, все это есть в Моем теле. Эта вселенская форма может показать тебе все, что ты пожелаешь увидеть сейчас и что ты захочешь увидеть в будущем. Все – движущееся и неподвижное – находится здесь, в одном месте. Но ты не можешь видеть меня своими нынешними глазами, поэтому Я наделяю тебя божественным зрением. Узри мое мистическое могущество» [5 - Бхагавад-Гита, глава 11: Вселенская форма.].

Странно, должно быть, чувствовал себя этот парень, Арджуна, услышав подобное от своего друга-колесничего перед началом кровавой битвы. Но странно – это не страшно. Мне же во сне было страшно. А на предплечье левой руки, которой коснулся демон, наутро выступило красное пятно. Впрочем, к обеду прошло.

– Мадам, ужин готов, – доносится из кухни голос Урании. – Подать вам на террасу?

Приветливая, расторопная Урания одно время работала горничной в отеле, поэтому худо-бедно говорит по-английски.

Я отпускаю ее домой, заверив, что уж с посудой как-нибудь справлюсь сама, и с легким ужасом обзираю гору съестного, предназначенную для утоления голода одинокой женщины тридцати пяти лет. Эти греки неисправимы. Наверное, с моего стола можно запросто накормить какую-нибудь бедную африканскую семью из семи-восьми человек, да еще пару котов в придачу.

Коты и кошки, кстати, обитают здесь в большом количестве, что не может не радовать. Поджарые, короткошерстные, на высоких тонких лапах, с длиннющими хвостами и большими ушами, с треугольными мордами и раскосыми зелеными глазами, кошки эти еще в гомеровскую эпоху попали на Крит из Египта, и с тех пор сотни маленьких Баст[6 - Баст – в египетской мифологии божество Луны, отражающей свет Солнца. Священное животное Баст – кошка. Изображали Баст в виде женщины с головой кошки; ее атрибут – музыкальный инструмент сistr. Древние греки отождествляли Баст с Артемидой.] бродят по окрестностям, оглашая воздух пронзительными воплями и мяуканьем.

Управившись с посудой, я вновь выхожу на террасу с книгой и бутылкой Метаксы, чтобы послушать звуки критской ночи, полюбоваться далекими огнями на склонах гор, а заодно поразмыслить, кем же может быть тот невероятный персонаж, что предстал мне во сне. Проводник душ вроде Гермеса и Мананнана Мак Лира?[7 - Мананнан Мак Лир – в ирландской мифологии бог морской стихии, покровитель торговли и мореплавания, а также подземного мира, бездны, всего иррационального.] Или страж порога? Присутствие границы было очень явным. Я шла по мосту. И мост раскололся надвое. Не бойся.

По дороге проносится автомобиль, и опять никого. Только попискивают в темноте какие-то птицы, шелестят ветвями оливковые деревья, и где-то внизу, в туристической зоне, соединяющей поселки Миссирия и Платанья, играет музыка, которая здесь почти не слышна.

Я читаю при свете настольной лампы.

Путь мифологического приключения героя соответствует формуле всякого обряда перехода: уединение – инициация – возвращение... герой – это мужчина

или женщина, которым удалось подняться над своими собственными и локальными историческими ограничениями к общезначимым человеческим формам.[8 - Джозеф Кэмпбелл. Тысячеликий герой.]

Вот бы еще понять, по какой причине я упорно продолжаю думать о нем. Мальчишка просто скучает. Не удивлюсь, если он подбивает клинья под каждую вторую туристку в возрасте от двадцати до сорока, не обремененную нравственными принципами, комплексом неполноценности и спутником жизни. Черт! Я начинаю рассуждать как среднестатистическая циничная разведенка.

«Тебе нужно пересмотреть свое отношение к жизни, – порекомендовала моя добрая сестрица, – и как можно скорее снова выйти замуж».

«Почему?» – тупо спросила я, в глубине души убежденная, что как раз этого делать не стоит.

«Жить одной легче, чем жить в семье. Такое существование может понравиться, и ты уже не захочешь впрягаться в эти оглобли».

Помню, о чем я тогда подумала: это говорит образцовая домохозяйка, примерная жена, мать двоих детей.

Мифологический герой – не защитник настоящего, а борец за будущее. Дракон, которого он должен убить, – это чудовище статус-кво: цепкий хранитель прошлого. Герой является из неизвестности...

Моя ближайшая подруга высказалась приблизительно в том же духе: «Если ты хочешь уверенности в завтрашнем дне, тебе, безусловно, следует выйти замуж».

Я посмотрела на нее, незамужнюю, с большим интересом.

«Почему?»

«Ну-у, муж – это деньги, социальная защищенность, престиж...»

«Сдается мне, для престижа заводят борзую, а не мужа».

«Да, но борзая не решит твоих проблем, – резонно возразила она, – по крайней мере ВСЕХ проблем».

...и приносит с собой тайное знание, необходимое для уничтожения тирана. Жестом, простым, как нажатие кнопки, он разрушает кажущиеся вечными формы. Подвиг героя – это всегда сокрушение кристаллической структуры момента.

Такие слова для меня все равно что нож по сердцу. Сейчас я чувствую себя как замороженный полуфабрикат – покрытый ледяной коркой, отвердевший и совершенно не готовый к употреблению. Воды Эгейского моря ежедневно омывают меня, придавая суставам гибкость, коже – эластичность, ногтям – твердость и блеск. Все это прекрасно, за одну неделю я помолодела на несколько лет. Но внешний лоск, подобно грамотно спроектированному и отстроенному фасаду, создает лишь видимость благополучия, которого в действительности может и не быть. Фасад императорского дворца поражает воображение, даже когда империя на грани катастрофы. Кровопролитные войны, эпидемии, засуха, неурожай – все это незаметно для путешественника, с восторгом созерцающего золотые купола, фигурные порталы, арочные оконные проемы и цветные витражи.

Как существует понятие поворотной точки года – Небесной петли богини Кардеи, вокруг которой, согласно Варрону, вращается мельничный жернов Вселенной, – так и в моей, отдельно взятой человеческой жизни, судя по всему, намечался какой-то катаклизм.

Бессознательное посылает нам разного рода фантазмы, ужасы, иллюзии... ибо под фундаментом сравнительно упорядоченного строения, которое мы называем нашим сознанием, мир человека простирается далеко вниз, в неизведанные глубины, где обитают демоны – могучие психические силы, которым мы не захотели или не осмелились дать волю...

Легко сказать: дать волю психическим силам! Многие ли из нас это делают? Не захотели, а может, не осмелились. А зачастую даже и не задумались над этим. Ведь до определенного момента просто живешь так, как тебя приучили считать правильным, и вроде все у тебя как у людей, а потом – бабах! – просыпаешься, а вокруг руины. Руины того замка, который ты, оказывается, построила на песке.

...и они пребывают там до тех пор, пока случайное слово, или запах, или взгляд не коснется магической пружины, и тогда наш мозг начинают посещать опасные посланники. Они опасны потому, что угрожают нашей уверенности в будущем, но они также дьявольски пленительны, ибо сулят ключи от целого царства...

Всё, хватит! Знать ничего не желаю!

Захлопываю книгу, залпом допиваю бренди и иду спать. Проваливаюсь в пьяную дрему, но среди ночи просыпаюсь вне себя от ужаса. Кто-то громадный и разъяренный, как Змей Горыныч, склонился над моей постелью и плюнул огнем мне в лицо.

Бреду на негнущихся ногах к холодильнику, пью холодную воду, умываюсь, закуриваю, варю себе кофе в полтретьего ночи. Потом сижу над чашкой за круглым, накрытым белой льняной скатертью столом в маленьком домике на одном из островов Средиземного моря и долго пытаюсь вспомнить, кто я.

3

Ровно в одиннадцать я уже на стоянке. Торопливо оглядываюсь по сторонам. Нет, черной «ямахи» нигде не видать. Да и машин-то всего четыре, не считая моей. Может, он приехал на одной из них? Трудно представить, но чего в жизни не бывает.

За полчаса я облазила весь монастырский двор, сбегала к фонтану, заглянула в кафоликон[9 - Кафоликон – буквально «всеобщий». Центральный собор греческого монастыря.] – этой сволочи нигде не было.

А кто тебе сказал, дуреха, что он здесь? Да что ему здесь делать, если он уже запечатлел на бумаге каждый камень, каждую трещину на ступенях этой святой обители? Рванул небось в Агия-Триада или еще куда-нибудь, достопримечательностей на острове хоть отбавляй. Да и вообще, порядочные люди так не поступают. Если ты хотела его видеть, надо было приезжать в назначенный день и час. Ведь вы договаривались, и он, возможно, ждал, а ты в это время валялась на пляже, или дула Метаксу, или таскалась по торговым

кварталам Рефимно, разглядывая всякие никчемные безделушки.

Что ж, может, это и к лучшему. Посижу немного в тени, отдохну и поеду в Аркади. Осмотрю тамошний знаменитый монастырь, сделаю несколько фотографий. Зачем мне этот мальчишка? Испытать на нем силу своих неотразимых чар? Пфф...

Солнце припекает. Справившись с эмоциями или убедив себя в том, что справилась, ядвигаю в обратный путь. Привратник нехотя поднимает глаза, молча кивает на прощание, и я киваю в ответ. Денег за вход он с меня не взял. Узнал и жестом велел проходить, что, конечно же, дополнительно кольнуло меня в область сердца. Может, попробовать расспросить его об этом парне? Ведь они знакомы, в чем я лично убедилась в прошлый раз. Но я ни о чем не спрашиваю – не потому, что стесняюсь заговорить с монахом, а потому, что боюсь услышать в ответ, что мой художник свалил на родину (в Англию, Шотландию, Бельгию, Данию, Голландию) и в ближайшее время вряд ли появится в Превели. Что он не появится больше никогда.

В час дня я все еще дежурила на стоянке, изредка наведываясь в ближайший кафетерий, чтобы выпить минеральной воды или просто посидеть под навесом. Все боги Олимпа, должно быть, потешались надо мной. Ну и что с того? Мне некуда спешить и нечего терять. Свободная женщина с массой свободного времени.

Рев мотора заставил меня подскочить, а мое сердце – удвоить частоту сокращений. С горячей сигаретой в одной руке и бутылкой минеральной воды в другой, я стремительно обернулась. Не может быть...

Тяжелый черный мотоцикл летел прямо на меня. Черные волосы наездника развевались от ветра. Плотнo прилегающие к голове мотоциклетные очки с дымчатыми стеклами не позволяли разглядеть лицо. Да и могу ли я сказать, что видела его хоть однажды.

Выключив двигатель, он позволил мотоциклу подкатиться ко мне (я стояла у парапета, за моей спиной была пропасть), улыбнулся, не снимая очков, да так и остался сидеть, упираясь ногами в землю, скрестив руки на руле. Мужчина и его железный конь. Очень эффектно.

Прижимая к груди бутылку с водой, я с ужасом ждала его первых слов.

– Итак, вы это сделали. – Улыбка стала шире, блеснули белые зубы. – Непросто было принять такое решение, правда?

Я нервно сглотнула.

– Почему же?..

– Потому что сегодня вы приехали не в Превели. Вы приехали ко мне.

Можно было разыграть возмущение и наговорить кучу разных слов, но я знала, что это бесполезно. Он выслушает, улыбнется понимающе и сменит тему, а меня еще долгое время будет преследовать чувство неловкости, как бывает, когда допустишь какой-нибудь непростительный промах.

– Ты прав, – произнесла я намеренно резко. – Но ведь ты этого хотел, разве нет?

Сраженный ответом, он дрогнул, совсем чуть-чуть, и вцепился пальцами в руль мотоцикла. Что-то задело его за живое. Знать бы, что именно.

– Да, – ответил он после паузы. – Правда, я думал, что это произойдет намного раньше.

Рубашка у него на груди часто приподнимается от дыхания. На верхней губе поблескивают капельки пота. Его поза – расслабленная, непринужденная – выглядит непреодолимо сексуальной.

– Раньше? – Я пожала плечами. – Ну, вчера я была занята.

Слушая эту ложь, он лишь сокрушенно качает головой.

– Вас не было четыре дня.

– Четыре дня? – переспросила я в притворном изумлении. – Неужели?

Всякий раз, когда меня вынуждают лгать или же я добровольно принимаю решение ограничиться полуправдой, мне сводит челюсть. Для окружающих это почти незаметно, и тем не менее...

– Вы рискуете обжечь пальцы.

С этими словами он забрал у меня окурок, демонстративно затянулся от него и щелчком перебросил через парапет.

– Четыре дня. Я знаю точно.

Выпрямившись, он засучил рукав и показал мне четыре ножевых пореза на предплечье правой руки. Темные от запекшейся крови, они выглядели так, будто кто-то, а точнее, он сам, четыре раза подряд рубанул ножом поперек предплечья, подражая героям вестерна, которые при помощи зарубок на стволах ружей ведут счет убитым краснокожим. Один из порезов был совсем свежим, слегка воспаленным. Наверное, появился только вчера.

Он спокойно держал передо мной вытянутую руку – великолепную, мускулистую, тонкую в запястье руку, – давая мне хорошенько рассмотреть.

– Я ждал вас, но вы не пришли. – Голос звучал буднично, словно он говорил о погоде. – На следующий день я ждал опять, но вы опять не пришли. Я был не в силах вырваться из этого заколдованного круга и наказывал себя за это. Не спрашивайте, что бы я стал делать, если бы вы не пришли совсем. Я не знаю.

Я остолбенело уставилась на него, лишившись дара речи.

Так искромсать себе руку только из-за того, что... Из-за чего? Я почти увидела, как это происходило. Резкий взмах, сверкнувшее лезвие, закушенные губы...

– Ты сумасшедший, – вырвалось у меня. – Ты просто псих!

– Да, и надо сказать, это было делом не одного дня.

Медленно он выбирается из седла, подходит ко мне вплотную (высокий парень, выше меня на полголовы, хоть я и не маленькая), снимает с меня соломенную

шляпку, потом очки. Складывает все это на капоте моей машины, поворачивается и, протянув руку, прижимает ладонь к моему затылку, словно для поцелуя.

Ну, знаете ли!.. Я смотрю на него, щурясь от солнца. Тоже мне Клинт Иствуд!

Моя фантазия несколько приукрасила его. При ближайшем рассмотрении он оказался... более обыкновенным, что ли. Интересно, собирается он в конце концов снять свои очки?

Потеряв терпение, я сдергиваю их сама. И застываю, почти бездыханная.

Как я могла подумать, что ему двадцать пять лет? Этот взгляд с прищуром – неожиданно цепкий, пронизывающий, жесткий – взгляд нацистского преступника. Тонкая сетка морщин в углах глаз...

– Вот почему ты не снимаешь очки при первом знакомстве.

Он кивнул:

– Мои глаза пугают людей.

Я тоже чувствую себя озадаченной. Мой новый знакомый выглядит форменным маньяком, но не в этом дело. Есть одно обстоятельство, которое беспокоит меня гораздо больше, чем его внешний вид. Он изранил себе ножом то же самое место на той же самой руке, откуда во сне у меня сходила кожа от прикосновения многоликого демона.

Меня преследует и тяготит сознание неотвратимости происходящего со мной в последнее время. Это незнакомое, пугающее чувство. Похоже, я попала в сферу действия каких-то инфернальных сил – по глупости или по неосторожности.

Стоящий передо мной мужчина даже не пытается помочь мне. Его светлые, почти прозрачные глаза – глаза цвета морской воды, какой она бывает в утренние часы на мелководье, – скользят по моему лицу, по груди в распахнутом вороте блузки, заставляя меня поджимать губы с нарочито неприступным видом. Светлые глаза, слегка выступающие скулы, волнующие очертания губ...

– Может, выпьем по чашечке кофе? – Он все же решил прервать затянувшееся молчание. Снял руку с моего затылка, сделал шаг назад и снова стал далеким и чужим, как раньше. – Или поедem купаться? Или еще куда-нибудь?

– Кажется, вы собирались показать мне Нижний Превели, – напомнила я, безоговорочно принимая правила игры.

Чужие так чужие.

– Да, конечно. Я рад, что вы помните.

И вот наша колонна, состоящая из мотоцикла и малолитражки, начинает движение к заброшенной пустыни, расположенной в трех километрах от приморского монастыря. Заявленная скорость – сорок километров в час. Зная о моем отношении к горным дорогам, ведущий милосердно придерживается ее, хотя в глубине души наверняка считает это капризом.

Изъеденные временем живописные звонницы и башенки Нижнего Превели видны прямо с дороги, поскольку сами постройки теснятся ниже по склону. Ни дверей, ни оконных переплетов. Только каменные стены. Глядя на них сквозь высокую сетчатую ограду, я задаю себе вопрос, каким образом туда может проникнуть живое существо крупнее крысы. Однако мой спутник исполнен оптимизма, и вскоре мы уже стоим перед полуразрушенным зданием, которое не имеет ни кровли, ни балок перекрытия, только желтовато-серые облупленные стены с остатками штукатурки, и обсуждаем вопрос, стоит ли забираться внутрь или лучше ограничиться созерцанием этой остро нуждающейся в реставрации святыни с безопасного расстояния.

– Предлагаю подняться вон туда. Может, нам повезет, и мы отыщем святая святых и чудом сохранившийся древний алтарь. Ну что, вы согласны? В худшем случае все это рухнет нам на голову, и мы окажемся погребенными под руинами храма Господня вместе со святыми отцами. Существует ли лучший способ уйти из этого мира? Смотрите под ноги, ступени совсем обвалились. Стойте-ка, я проверю, нет ли там призрачного стража с огненным мечом в одной руке и распятием в другой. Ага... Ну, идите сюда. Дайте руку. Это место силы. Чувствуете?..

И всё в том же духе.

Осмотр печальных, но по-своему величественных развалин доставил мне настоящее удовольствие. Мой самозванный гид вел себя безупречно.

Приподнимал, поддерживал, отряхивал, без конца задавал вопросы типа «все в порядке?», «вы не устали?», «как по-вашему, здесь не слишком грязно?» А главное, так и сыпал всевозможными историями о временах венецианского и турецкого владычества, о критских повстанцах, скрывавшихся в горах, о неравных битвах, когда монахи вставали плечом к плечу с мирянами, об открытии древнейшей в Европе минойской цивилизации.

– Вы любите этот остров, – заметила я, когда мы окончательно выбились из сил и присели на запыленные ступени одной из построек.

– Что, заметно? Можете не отвечать. А вам здесь нравится?

– Ну, в общем...

– Вы давно на острове?

– Уже неделю.

– Вот как? – переспросил он с иронией. – Уже целую неделю? – Его зеленоватые глаза на мгновение задержались на моем лице. – Откуда вы?

– Из Москвы.

– Из Москвы в России?

– Да.

– Туристка? Живете в отеле?

Странно слышать все эти вопросы после того, как мы... Мы – что? Провели вместе полдня и даже не познакомились? Вот именно. Даже не познакомились.

– Нет, не в отеле. В доме моей сестры. Недалеко от Аделе. Знаете? На северном побережье Крита.

Он кивнул:

– Ваша сестра – владелица недвижимости. Богатая женщина, да? Случайно, не актриса? На Крите полно актеров из Европы и Голливуда. Хорошее место для жизни.

Последняя фраза прозвучала особенно красиво, и я постаралась запомнить ее. Хорошее место для жизни... Нет, даже не так. Не совсем так.

Nowhere on the Earth there is a better place for living. Нигде на Земле нет лучшего места для жизни.

– На северо-западе острова, в бухте Ставрос, не так давно даже снимали фильм, – продолжал он невозмутимо. – «Грек Зорба». Вы не смотрели?

– Нет.

– Я тоже. Но это неважно. Исполнитель главной роли, не помню его имени, получил «Оскара» за этот фильм, высшую награду Американской киноакадемии, так этот «Оскар», эта статуэтка, теперь стоит в местной таверне на радость туристам, а сам актер просто взял да и переехал сюда жить. Сюда, на Крит. Молодец парень, правда?

Я кивнула, с трудом удерживаясь от смеха. Что за дурацкий разговор!

– Моя сестра не актриса. Дом принадлежит ее мужу, хозяину крупной строительной компании. Мосты, тоннели и все такое прочее. У нас это называется «удачно выйти замуж».

– О! – проронил он, отворачиваясь, чтобы я не заметила его улыбки.

Прикусил зубами сигарету, щелкнул зажигалкой. С привычной небрежностью заядлого курильщика, которая делала его похожим на дворового хулигана... или нет, скорее на столичного аристократа, погрязшего в пороке.

– Вы младшая из сестер? – прозвучал неожиданный вопрос.

– Да.

– Так я и думал.

– Почему? Он издал отрывистый смешок:

– У вас несчастный вид.

Я оторопела.

Ну и ну! А где же такт? Где пресловутая английская вежливость?.. Мне пришло в голову, что он, возможно, американец.

– А вы откуда?

Прежде чем ответить, он в очередной раз приложился к сигарете, выпустил дым колечками и проводил их мечтательным взглядом.

– Из Голлуэя, Ирландия. Но живу главным образом в Лондоне. – Проследил за тем, как колечки табачного дыма растаяли в воздухе, и добавил: – Когда не живу на Крите, разумеется.

Узкие запястья, на одном – золотой браслет. Худое, гибкое тело. Рубашка полощется на ветру.

Минуточку, дорогуша, что это у тебя на уме? Ты хочешь его к себе в постель? Ответ очевиден. Да, я хочу его к себе в постель. Кошмар!

Догадываясь, что все эти мысли написаны у меня на лице, я сделала глоток воды из бутылки, пару раз непринужденно обмахнулась носовым платком и одарила собеседника ослепительной улыбкой в духе Джулии Робертс.

– Вы часто приезжаете сюда?

– Сюда, на Крит? Или сюда, в Превели?

Порядок. Я спасла положение. У него по-прежнему не было ни малейшей причины заподозрить меня в каких-либо притязаниях на его особу.

Он приезжает на Крит ежегодно, в конце апреля или в начале мая, и остается до конца ноября. Снимает комнаты у одной греческой семьи в Хора-Сфакион. Всегда у одной и той же семьи.

Я собираюсь подробнее расспросить его об этой семье, а заодно и его собственной семье, выяснить, кто он вообще и чем занимается, но в эту минуту в сумке у меня начинает звонить телефон. С невнятным возгласом досады я извлекаю его из-под кучи всякого барахла, каким обычно бывает набита дамская сумочка, смотрю на дисплей и обреченно вздыхаю. Делать нечего, придется отвечать.

– Да, мама. Все в порядке. Я здорова. Да, купаюсь, отдыхаю. И я тоже. Уже соскучилась. Привет папе. Целую вас обоих.

Отключаю аппарат от сети и понимаю, что подходящий момент для детального ознакомления с его биографией, увы, упущен. Мой приятель уже встал, отряхнул штаны и приготовился сопровождать меня к машине.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я с неожиданным ожесточением, твердо решив, что не сдвинусь с места, пока не получу ответа хотя бы на один вопрос.

– Нейл Бреннан, – отвечает он с безмятежной улыбкой. – А тебя?

Мы купаемся в чудесной бухте Дамнони – песчаный пляж, чистейшая вода, – потом обедаем в таверне на берегу, потом снова купаемся.

В этой таверне он явно не в первый раз, его здесь знают и, поскольку он свободно говорит по-гречески, встречают действительно как своего.

– Хэретэ, Нейл! – слышится со всех сторон. – Хэретэ, кирие!

Греческие приветствия очень симпатичны. При встрече греки говорят друг другу «радуйся». Это кажется мне мудрым и правильным. Во всяком случае, это не простая формальность.

– Ясас! – отвечает он с улыбкой, что значит «привет». И тут же переходит на английский, чтобы я не чувствовала себя лишней. – Моя подруга Элена. Она из России. Кто-нибудь из вас, парни, говорит по-русски?

Бармен и официанты улыбаются до ушей.

Нейл тоже доволен. Мне нравится, как он произносит мое имя – Элена. Его низкий, хрипловатый голос делает проникновенным каждое слово.

Пока мы отдавали должное салату по-гречески, шашлыку и местному пиву Мифос, к пляжу подъехали два здоровенных джипа, битком набитые жизнерадостными итальянцами. Посовещавшись, мы сходимся во мнении, что эти милые люди, обвешанные фотоаппаратами, радиоприемниками, надувными матрасами, волейбольными мячами и маленькими детьми, могут достать кого угодно, и перебираемся поближе к скалам.

– Далеко не заплывай, – говорит мне Нейл, стоя на ветру с развевающимися волосами. Очень стройный, очень загорелый. – Боюсь, как бы шашлык не потянул тебя на дно.

Безо всякого стеснения он переодевается в моем присутствии, и я следую его примеру. Взявшись за руки, мы направляемся к воде.

– Хоть это просто, – роняет он с легким вздохом.

Но мне-то так не кажется.

Назавтра мы договорились посетить плоскогорье Аркади с одноименным монастырем, что в пятнадцати километрах от Аделе, а если останется время, то доехать до археологического заповедника на горе Элефтерна и побродить по руинам античного города, знаменитого своими мозаиками. При условии, что я не передумаю. Будет просто здорово, если я позвоню.

Очередное испытание – мне придется позвонить самой, чтобы подтвердить свою готовность.

От Хора-Сфакион до Аделе он доберется за полтора часа, а еще через полчаса мы можем быть в Аркади. Отличный план, не правда ли?

Я чувствовала себя лодкой в водовороте. Точнее, я чувствовала себя в лодке, которую уносит... Куда? К каким берегам? Переправа, граница... Все тот же неотвратимый подтекст.

4

Ни кофе, ни булочка, ни йогурт не лезут в глотку. За утро я уже раз пять брала в руки телефон и после мучительных колебаний возвращала его обратно на журнальный столик. Ну что, что сложного – взять и набрать номер? Да, но сделать это – значит дать ему понять, что я в принципе не против, что я заинтересована в нем. Вечное мое проклятие – боязнь ответственности сказать слово или совершить поступок. А что, если позже придется об этом пожалеть?

Захватив с собой телефон (так, на всякий случай, вдруг позвонит Ритка или мама), я вышла на террасу и притворилась, будто любуюсь окрестностями. В саду надрывались цикады. Теплый ветерок раскачивал ветви олив, шевелил высокую траву, У подножия гор лежало бескрайнее синее море, прекраснейшее из всех морей, колыбель жизни.

Одиннадцать тридцать. Дальше тянуть невозможно. Или звонить, или не звонить.

Я рухнула в плетеное кресло и раскрыла книгу.

Как в мифах, так и в реальной жизни, мы нередко встречаемся с печальным случаем зова, оставшегося без ответа... погруженный в рутину, человек теряет способность к значимому решительному действию и превращается в жертву, требующую спасения... его мир становится пустыней, а жизнь кажется бессмысленной... любой построенный им дом станет лабиринтом, предназначенным для того, чтобы скрыть от человека его собственного Минотавра.

Поистине, все против меня!.. Ну что мне в этом парне, в его рисунках или рассказах? И ведь мой номер телефона он даже не спросил. Нарочно не спросил! Чтобы вынудить меня сделать следующий шаг безо всякой поддержки.

Что ж, ладно. Я набрала номер, услышала в трубке его хрипловатый голос и бодро затараторила:

– Привет, это Елена. Надеюсь, я тебя не разбудила? Хм... я рада. Как насчет прогулки по горам?

Несколько минут легкомысленной болтовни, обсуждение времени и места встречи – и вот уже у меня поднялось настроение и, как следствие, прорезался зверский аппетит. Надо же! Все оказалось проще, чем я предполагала. Теперь еще одно: нужен мне макияж или нет?..

Я жду его на обочине дороги между Пиджи и Лутрой. Заблудиться здесь невозможно. Незадолго до назначенного срока он появляется, вылетая из-за поворота с ужасно солидным ревом, на бешеной, как мне представляется, скорости. Тормозит... тормозит еще... и наконец останавливается в двух шагах от моей машины. Снимает очки и делает взмах рукой. Вот и я!

На нем рубашка защитного цвета, как у военнослужащих, которая ему очень к лицу, и те же вылинявшие до небесной голубизны джинсы. Вытянутые коленки. Обтрепанные края штанин. И тут же сверкающий на солнце золотой крест в распахнутом вороте рубахи. На шее крест, на запястье браслет, в левом ухе серьга. Умри все живое.

Тем же порядком, что и накануне, мы следуем к монастырю Аркади. Путь наш тернист и полон неожиданностей. Крутой поворот. Подъем. То и другое одновременно. Ладони у меня взмокли от нервного напряжения. Но что делать, не поворачивать же обратно.

Наконец мы на месте. Выхожу из машины, оглядываюсь по сторонам и сразу понимаю, что оно того стоило. Плоскогорье Аркади – единственное на Крите, где произрастают знаменитые итальянские сосны, пинии. Они здесь повсюду. Сосновый запах просто сбивает с ног.

– Элена! Посмотри сюда!

Я иду на зов и замираю, восхищенная. У моих ног крутой обрыв, справа и слева могучие сосны с раскидистыми ветвями и пушистыми веерами мягких зеленых игл, а внизу, много ниже – серая лента дороги, по которой мы взобрались сюда. Лента, свернувшаяся в петлю.

Нейл наблюдает за мной, стоя под аркадой мемориального комплекса, сооруженного уже в наше время в память о событиях 1866 года, когда осажденные турками монахи вместе с укрывшимися в монастыре повстанцами по благословению игумена Гавриила взорвали пороховые склады, что привело к гибели как турецких солдат, так и защитников монастыря.

– Они предпочли смерть позорному плену, – сказал, пожимая плечами, Нейл. – Греки... для них такое нормально.

Это неожиданно и странно: переступив порог, вы сразу невольно останавливаетесь, чтобы не наступить на высеченный прямо на полу равносторонний крест, помещенный в круг, а в следующую минуту, еще не успев опомниться, видите перед собой музейную витрину, где на полках за стеклом выставлены на всеобщее обозрение человеческие черепа. Прославленные черепа, героические черепа. От одного взгляда на них мороз по коже.

– Вот ужас-то, – прошептала я еле слышно. Нащупала руку Нейла и крепко сжала. – Давай уйдем отсюда.

– Что в этом ужасного? – возразил он. – Все в порядке вещей. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его.[10 - Книга Екклесиаста 12:7.]

Эти слова заставили меня обернуться. С моим парнем творилось что-то неладное. Только что он стоял со мной рядом веселый и оживленный, а теперь выглядел так, будто внезапно заболел. Отсутствующий взгляд, по-прежнему устремленный на полки с черепами, поблескивающие на висках и на верхней губе мельчайшие капельки пота...

– Нейл, посмотри на меня.

Он не шелохнулся. Глядя в его бледно-зеленые глаза, остекленевшие, точно в кислотном трансе, я не придумала ничего лучшего, чем потрясти его за плечо.

– Эй, ты меня слышишь?

Он глубоко вздохнул, провел пальцами по лбу.

– Прости, я задумался.

Хороша задумчивость! Надо, что ли, на всякий случай поинтересоваться, как на этом острове вызывают врача.

В четырех километрах от Аркади нам встретила развилка с дорожным указателем «Аркади – прямо, Амнатос – налево», и Нейл включил поворотник, а затем коротким взмахом руки предупредил меня, что уходит налево. В самом деле, что нам лишних пятнадцать минут. Я и сама была не против выйти ненадолго из машины, сделать глоток воды (приближалось самое жаркое время дня) и постоять перед воротами Амнатоса, на фризе которых высечена надпись: «Начало мудрости – страх Господень».

– Долгое время я не понимал смысла этих слов, – признался Нейл, – мне казалось, что страх перед Богом подобен страху перед зубным врачом, и значит, в этом есть что-то унижительное. Но страх Господень – это не страх перед наказанием, которому Бог должен непременно подвергнуть нас за какой-то грех или просто неблагоприятный поступок. Это боязнь впасть в этот грех независимо от того, последует ли за ним наказание. Боязнь не столько БЫТЬ наказанным, сколько ЗАСЛУЖИТЬ наказание. Понимаешь? Боязнь оказаться недостойным.

– Недостойным чего? Милости Божьей?

– Можно и так сказать. Если считать за милость обладание силой, необходимой для преодоления препятствий, характерных для пограничной зоны, с последующим расширением из сферы смертного в сферу бессмертного.

– Трансформация в божественное? Слияние, растворение, тебя это не пугает?

– Трансформация – не растворение. При этом человек не утрачивает индивидуальности, а прорастает в вечность, подобно зерну.

Итак, он верующий. Кто бы мог подумать. Но при первой нашей встрече там, в Превели, когда я спросила его...

– ...ты ответил, – вслух продолжила я свою мысль, – что со временем перестал чувствовать разницу.

– Ты задала не тот вопрос. Ты спросила: вы, наверное, католик? Нет, я не католик, не православный, не протестант, не копт, не христианин, не мусульманин, не буддист. Я дитя Бога, сын Царя Царей.[11 - Шри Рамакришна «Парамахамса». Целиком цитата выглядит так: «Ум связывает человека, ум же его освобождает. Если я думаю абсолютно свободно, то, живу ли я в мире или в лесу, в чем моя несвобода или мои оковы? Я дитя Бога, сын Царя Царей, кто может связать меня?».]

Он в самом деле это сказал? Я не ослышалась? На своем веку я повидала немало образованных людей, но далеко не каждый цитировал Рама-кришну.

Зеленые глаза его искрились, губы подрагивали от сдерживаемого смеха. Он видел, что его признание ошеломило меня, и остался ужасно доволен.

– Я не одинок в своих убеждениях, Елена. Доктор Карл Меннингер однажды заметил, что если теоретические рассуждения еврейских раввинов, протестантских и католических священников – рассуждения по общим вопросам – иногда еще могут совпадать, то когда речь заходит о правилах и принципах достижения вечной жизни, их взгляды безнадежно расходятся. Ответом на это, безусловно, является сказанное Рамакришной: «Бог создал различные религии для того, чтобы удовлетворить требования различных людей, стремящихся к Богу. Все учения – это лишь множество путей; но путь ни в коей мере не есть Сам Бог. Воистину, человек может прийти к Богу, если будет следовать по любому пути с искренней приверженностью. Пирожное с сахарной глазурью можно есть, начиная как спереди, так и сбоку. В любом случае вкус его будет сладок».

Нейл рисует, пристроившись, по своему обыкновению, на каких-то стесанных ступенях, я же, набросив на плечи длинный шелковый шарф, вступаю под своды монастырского кафоликона. Здесь традиционно два алтаря: слева – Преображения Господня, справа – Святых Константина и Елены. Ставлю свечи, шепчу бессвязные и совершенно неподобающие случаю слова и отступаю к выходу. Православная христианка из меня как из дерьма пуля.

Братские корпуса, несмотря на частичную реставрацию, предпринятую в XVIII веке, считаются самой древней частью обители. В левом углу двора – руины винного погреба, служившего пороховым складом и взорванного девятого ноября 1866 года. Благодаря этому событию, как доложил мне Нейл, монастырь Аркади стал символом борьбы критского народа за независимость, и его изображение даже поместили на банкноты достоинством в сто драхм.

Двое туристов фотографируются возле корявого обугленного ствола дерева, безмолвного свидетеля тех трагических событий. Если бы защитники монастыря могли предположить... впрочем, это уже праздные размышления, не заслуживающие упоминания.

Я медленно иду по длинной крытой галерее: с одной стороны расположены двери в кельи монахов, с другой – многочисленные арочные проемы, в каждом красуется керамический горшок с цветущей геранью. Греки просто обожают герань, и она, в свою очередь, чувствует себя здесь весьма неплохо. Мне попадались кусты в человеческий рост.

Любопытная деталь: при определенном ракурсе оштукатуренные, местами облупленные стены цвета песчаника кажутся розовыми. Причуды ли освещения тому виной, или специальные добавки к штукатурке, в любом случае выглядит это потрясающе.

Слегка ссутулившись, то и дело отбрасывая со лба длинную челку, Нейл рисует фасад кафоликона, а я наблюдаю за ним с лестницы, ведущей в помещение музея.

Фасад со сдвоенными колоннами, классическими порталами, двойным фронтоном с резными рельефами и доминирующей над всем этим двухъярусной звонницей в три звона очень хорош. В отличие от других построек монастырского ансамбля кафоликон не пострадал в результате взрыва, поэтому

за всю историю своего существования ни разу не подвергался серьезной реставрации. Фактически он сохранился в первозданном виде – с конца XVI века до наших дней.

Повсюду, где мне встречается знак креста, это именно равносторонний крест – такой, как в усыпальнице. Я уже обратила внимание на то, что и Нейл носит на шее точно такой же крест, но все никак не могла выбрать подходящий момент, чтобы выяснить почему.

«Ты слишком много думаешь, дорогая, – любит повторять моя матушка, – дай голове отдохнуть». Но, поверьте, моей бедной голове не до отдыха, когда со мной этот парень. Как мы здесь оказались?.. Почему мы вместе?..

– Можно взглянуть? – спрашиваю я, останавливаясь в двух шагах, чтобы у него была возможность ответить и «да», и «нет».

Видно, что он устал, отсидел себе все места и в принципе не прочь размяться. Он протягивает мне папку:

– Пожалуйста.

Присев на ступеньку, я начинаю перебирать их – рисунки, выполненные простым карандашом на плотной бумаге, – и чувствую, как волосы встают дыбом. Его рисунки... О нет, это не пижонство и не развлечение. Это работа настоящего профессионала, это кровь и пот – линия, оживающая под карандашом, фантазмы, прорастающие из обыденной реальности, – это слезы гения.

– Боже! – только и сумела выдохнуть я.

Покусывая травинку, он наблюдает за сменой выражений моего лица.

– Тебе правда нравится?

– Не то слово. Ты мастер. А маслом ты пишешь?

– Иногда.

– Твои работы продаются?

– Некоторые да, некоторые нет.

Он переносит на бумагу наш повседневный мир и населяет его мифологическими персонажами, питающими созидательную энергию человечества.

– Я бы посмотрела другие твои работы, если ты не против.

– Конечно. Никаких проблем. Сегодня, помнишь, мы собирались в Элефтерну, а завтра или в любой другой день...

Он готов показать мне свои работы. Привести меня в свой дом в Хора-Сфакион. Это несколько преждевременно и не совсем прилично, но с другой стороны... Почему бы и нет, Елена? Почему бы и нет?

– О, я думал, ты знаешь, – роняет он в ответ на мой вопрос о кресте. – Квадратный крест, обычный, свастика или с крестами на концах, с незапамятных времен символизировал полноту власти. Этот крест, сам по себе или заключенный в круг, был главнейшим символом на минойском Крите и предназначался для Великой Богини и ее сына-Царя.

– Ты имеешь в виду богиню плодородия?

– Великую Мать: Рею-Кибелу, Тиамат, Исиду, Инанну, Иштар, Деметру. Ты не будешь записывать, нет? – Глаза его вспыхивают, как драгоценные камни. – Цереру, Кали, Керридвен...

– Достаточно, – произношу я тоном школьной учительницы. – Считаю, тебе удалось произвести на меня впечатление. Серьга в левом ухе тоже символизирует полноту власти? Или сознание собственного величия? А браслет на руке?

– Тебе не нравятся мужчины, которые грешат пристрастием к ювелирным изделиям. – Он смеется, играя браслетом. – А я вот, представь, не могу себе

отказать. Думаю, я унаследовал это от своих ирландских предков.

Англичанин ирландского происхождения. Боже, ну и дела! И в то же время я отдаю себе отчет в том, что передо мной необычайно элегантный человек. Элегантный во всем – в мимике, движениях, манерах. Это качество у него врожденное, как форма черепа.

Дорога на Элефтерну ничуть не лучше остальных – тех, что ежедневно заставляют меня впадать в полуобморочное состояние. Ограждения? Как бы не так! Наоборот, в некоторых местах, на особенно крутых подъемах или поворотах, зачастую можно увидеть характерные сползания грунта на обочине со следами отчаянной пробуксовки. И вот уже ваше воображение живо рисует вам душераздирающие картины аварий со смертельным исходом.

На Нейла все это, похоже, не действует. Его «ямаха» идет впереди со скоростью шестьдесят километров в час и, только я начинаю притормаживать, нарочно съезжает к самому краю, чтобы у меня появился повод пуститься в погоню, выражая свое возмущение при помощи звуковых сигналов.

Современная Элефтерна – это обычная греческая деревушка с кривыми улочками, белыми домиками, деревянными дверцами и ставнями, выкрашенными в синий и коричневый цвета, открытыми дребезжащими фургончиками, с которыми то и дело приходится разъезжаться в самом узком месте улицы, ленивыми остромордыми собаками, смуглыми коренастыми мужчинами, занятыми какими-то своими делами, и такими же смуглыми морщинистыми старухами, с ног до головы одетыми в черное.

На обочинах в пыли копошатся куры, дремлют на солнышке тощие греческие кошки. По переулку между домами одновременно может пройти только один человек. Искривленные каменные лесенки, увитые цветущей бугенвиллеей балкончики и цветы. Повсюду цветы в больших и маленьких гончарных горшках. Цветы на лестницах, цветы на подоконниках распахнутых окон, цветы прямо на улице перед домом. Красота!

Перед нами возвышается одна из самых неприступных критских гор. На ее крутом склоне, поросшем кустарником и дикими оливами, уже можно разглядеть руины античной Элефтерны. Цель близка. Осталось только добраться до перевала, обогнуть еще одну бездонную пропасть, взобраться на

последний отвесный склон. Словом, все как всегда.

– Времена расцвета этого города относятся к геометрической эпохе, семь-восемь тысяч лет до нашей эры, – говорит Нейл, слезая с мотоцикла на площадке для парковки, откуда начинается пешеходный маршрут. – Ты можешь представить себе подобную древность?

– Мм... Это не так просто, однако благодаря стараниям сэра Артура Эванса человечеству уже более века известно о том, что первая европейская цивилизация зародилась на критской земле.

Взявшись за руки, мы идем по взломанной щербатой дороге, если только это можно назвать дорогой, к полуобвалившейся башне, которая простояла здесь под натиском дождя и ветра немногим меньше десяти тысяч лет. Это вершина горы, выше уже некуда. Более-менее отесанные плиты из серого камня, между которыми проросла жухлая трава, чередуются с бесформенными нагромождениями из осколков разного размера и каменной крошки, так что, выбирая, куда наступить, я в который раз мысленно превозношу производителей обуви «ECCO».

– И это еще не все, – продолжает Нейл, неутомимо перепрыгивая с камня на камень. – Крит называют родиной Зевса. Именно здесь, согласно древнейшей версии известного мифа, был рожден, а затем растерзан юный охотник Загрей[12 - Загрей – буквально «великий охотник», «великий ловчий». В греческой мифологии одна из архаических ипостасей бога Диониса, сын Зевса Критского и богини Персефоны. По приказанию богини Геры титаны выследили Загрея и напали на него, намереваясь убить. Некоторое время он боролся с ними, превращаясь то в дракона, то в тигра, то в быка, но в конце концов, подстрекаемые Герой, они растерзали юношу. Зевс в ярости низверг титанов в Тартар, опалил мать титанов землю страшным пожаром, а затем послал на нее потоп. Образ Загрея вошел в теогонию орфиков, которые связывали с ним целую систему философско-мифологических идей. Загрею были посвящены орфические таинства. Ряд мифов связан с воскрешением Диониса-Загрея, сердце которого спасла Афина. У автора IV века Фирмика Матерна содержится подробный рассказ о растерзании Либеры-Загрея, сына критского царя Зевса.], первое воплощение Диониса. Отсюда же в Аттику явилась богиня Деметра в поисках своей похищенной дочери Персефоны, или, правильнее сказать, Коры.

– Загрей? – Я спотыкаюсь, но Нейл вовремя подхватывает меня под локоть. – Мне всегда казалось, что это несчастье произошло с ним неподалеку от Олимпа.

– Это более поздняя версия. Я же говорю о древнейшей. Фирмик Матерн в сочинении «О заблуждениях языческих верований» рассказывает о том, как критский Дионис-Загрей был разорван на части, сварен в котле и съеден титанами. По его словам, критяне ежегодно устраивают поминальный пир, на котором разыгрывают драму страданий этого мальчика. Правда, съедают они при этом не человека, а быка.

– Но Дионис не умер.

– Конечно, нет. Согласно Эпимениду, царь Минос сочинил ему следующий панегирик: «Не умираешь ты, но предстаешь для жизни вечной».

– Но в Афинах тоже существовали подобные праздники.

– Ты, как всегда, права. – Легким поцелуем (впервые!) он касается моей щеки, и я краснею, как девчонка. – Они назывались ленеями, что в переводе означает «праздник неистовых женщин», и приходились на день зимнего солнцестояния. Во время этих праздников также разыгрывались смерть и воскресение бога урожая Диониса. В изначальной мифе не титаны, а неистовые женщины из свиты ревливой богини Геры разрывали юношу на части и поедали его.

Память у него потрясающая. Может, он историк или этнограф? Что, кстати, мешает мне спросить?

Друг за другом – Нейл впереди, я сзади – мы тащимся по раздолбанной дороге (ширина ее в некоторых местах не превышает трех метров), а справа и слева шелестят листвою верхушки растущих ниже по склону деревьев. Мы шагаем вровень с верхушками деревьев! Если вдуматься, это впечатляет.

Чтобы попасть на тропу, убегаящую вниз по склону к руинам Элефтерны, нужно обогнуть сторожевую башню, причем уже не по дороге, а по каменистому выступу метровой приблизительно ширины, и тут я прихожу к выводу, что этот аттракцион мне не под силу. Пройти здесь? Справа стена, слева обрыв... господи, да мне и на карачках здесь не проползти. Эти древние греки просто маньяки. Взбираться на такую высоченную гору, а взобравшись, еще играть в

акробатов под куполом цирка.

– Давай руку. – Нейл смотрит на меня с безмятежной улыбкой сумасшедшего. – Пойдем.

Если вы думаете, что мы, держась друг за друга, по-быстрому миновали опасное место и начали спуск к развалинам, вы заблуждаетесь. Мы действительно со всеми необходимыми предосторожностями прошли ровно половину пути, после чего застыли, как истуканы, на самом краю обрыва, чтобы полюбоваться панорамой долины, а заодно дать ветру хорошенько растрепать наши волосы и надуть рубашки, как паруса.

– Нейл, – взмолилась я, чувствуя, как повлажнели ладони, – идем же.

– Смотри, – прошептал он в ответ.

– На что?

– Эти горы, это небо, этот ветер... долины внизу, между холмами... – Стоя совершенно неподвижно, глядя в пространство, по-прежнему крепко сжимая мою руку, он продолжал говорить быстрым хриплым шепотом, несмотря на то, что я уже была близка к истерике. – Это мир – такой, каким его создал Бог. Он пребудет таким еще сотни, тысячи лет. Нас с тобой не будет на свете, ни детей, ни внуков наших не будет, да и вообще, возможно, не будет уже никого, а эти горы будут стоять, как стоят по сей день египетские пирамиды. Это вечность, Элена. Та малая доля вечности, какую способен вместить человек.

В голову мне пришла ужасная мысль: а что, если у него на полном серьезе проблемы с головой, и он сейчас попросту сиганет с этой кручи, увлекая меня за собой, жертвуя вышеупомянутой вечности наши жалкие, никчемные жизни. Ну и что? В космических масштабах это мелочь. Пыль, зола.

Поджилки у меня затряслись, кроме шуток. Мы стояли рука об руку, не говоря ни слова. Он – потому что думал о чем-то возвышенном, я – потому что боялась неосторожным словом спровоцировать какой-нибудь неадекват с его стороны.

Вид был действительно сказочный. Просто ошеломляющий вид.

Даже и не припомню, как мы в конце концов оказались на твердой земле. На полусогнутых я с трудом добралась до ближайшего валуна, села и достала из кармана носовой платок. Смахнула пот со лба. Меня знобило, как при высокой температуре.

– Ты боишься высоты? – спросил Нейл, присаживаясь на землю.

– Да, и тебе это известно, – ответила я с раздражением, которое не считала нужным скрывать. – Я говорила об этом не один раз.

– Уверен, что с этой скалы еще никто не сорвался вниз, иначе она не считалась бы туристическим маршрутом. Мы же в Европе, Элена. Будь здесь хоть малейшая опасность, этот участок пути давно бы огородили, а то и вовсе закрыли для посещения. Като-Превелис, к примеру, закрыт, и все же ты там побывала.

– Здесь высоко, – пробормотала я, все еще дрожа.

– Я ведь рядом. Я не дам тебе упасть. К тому же выступ довольно широкий.

– А ты, значит, не боишься? Ты, случайно, не альпинист?

Он улыбнулся, не спуская с меня глаз. Своих странно-светлых, полупрозрачных глаз цвета морской воды.

– Ладно, не сердись. На обратном пути я пущу тебя вперед, а сам пойду следом.

Тут только я осознала, что ведь придется еще идти обратно.

– А как же иначе? – смеется несносный мальчишка. – Ведь самолет за нами не прилетит. И Гваихар, Повелитель Ветров[13 - Гваихир, Повелитель Ветров – один из великих Орлов Севера, вместе со своими сородичами неоднократно приходивший на помощь эльфам, людям и хоббитам в их общей борьбе с силами Тьмы в эпопее Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец».), не перенесет нас на своих крыльях из Элефтерны в Адели.

– Болтун, – шепчу я мстительно.

И с неожиданным для себя удовольствием бью его кулаком по плечу. По костлявому твердокаменному плечу. Бью, между прочим, изо всей силы.

– Тебе не больно? – участливо спрашивает он, потому что костяшки пальцев я себе действительно ушибла. – Ты бьешь неправильно, как все женщины. Дай руку, я покажу, как надо.

Сложив мои пальцы в кулак, он сперва целует их, отчего я вздрагиваю, а потом с дерзкой улыбкой, становясь похожим на фавна, наносит себе несильный удар в подбородок.

– Ну-ка, повтори.

И чем прикажете ответить подобному существу? Я предлагаю спуститься в древний город.

Нейл делает зарисовки с потускневших от времени мозаик и рассказывает об исследованиях мисс Харрисон.

– Для нее авторитетами в этой области являются Конан, Страбон и Павсаний. Она полагает, что великий пророк и учитель Орфей взял древний предрассудок, глубоко укорененный в варварском ритуале Диониса, и придал ему новое, теперь уже духовное, значение. С тем, что Орфей пришел в Аттику с юга, трудно спорить, так как исповедуемый им культ, правда в самой неприглядной форме, к тому времени был уже хорошо известен на Крите. На Крите, и, судя по всему, только там, существовал этот странный сплав египетского и примитивного пеласгийского, нашедший свое выражение в орфических обрядах.

Тонкая загорелая рука, на которой позвякивает золотой браслет, уверенно покрывает лист причудливым цветочно-геометрическим орнаментом.

– В «Критянах» Еврипида глава мистиков, излагая суть своего учения, среди прочего говорит, что исполнял «красные и кровавые обряды бога»...

Обратный путь по краю пропасти, как ни странно, не вызвал у меня отрицательных эмоций, и только на крошечном деревенском кладбище рядом с базиликой Святой Анны этот сукин сын опять напугал меня до полусмерти.

Я просто обожаю маленькие белые греческие церквушки с треугольными звонницами, но еще больше мне нравятся византийские базилики – кубической формы, с полукруглой апсидой, ржаво-коричневой черепичной кровлей и изысканными восьмилепестковыми розетками окон. Эта была как раз из их числа. Сложенная из грубых камней разного размера, массивная, но пропорциональная, она словно вырастала из земли, на редкость органично вписываясь в пейзаж.

Я кружила по площадке с фотоаппаратом в поисках подходящего ракурса, а Нейл стоял с отсутствующим видом, не то углубившись в изучение надписей на надгробиях, не то задумавшись о чем-то своем.

Когда я взглянула на него в очередной раз, он уже курил, облокотившись на перила ограждения, за которым начинался обрыв. Узкая долина отделяла выступающую вперед площадку с кладбищем и базиликой от крутого склона соседней горы, где мы только что побывали.

Я поймала его в объектив и уже собиралась окликнуть, как вдруг он покачнулся. Вцепился руками в чугунное ограждение. В одно мгновение я оказалась рядом.

– Нейл, в чем дело?

Молчание.

Опять я видела перед собой лицо космического пришельца, мучительно припоминающего, как же он оказался на этой планете. Может, наркоман? Или диабетик? Но следы уколов на его теле отсутствуют... Нюхает? Глотает? Или, боже упаси, сердечник? Люди добрые, и что же мне с ним теперь делать?

Собравшись с мыслями, я попыталась воззвать к нему еще раз:

– Нейл, что с тобой? Тебе нужна помощь? Необязательно что-то объяснять. Просто скажи, что делать.

Он медленно покачал головой, по-прежнему не говоря ни слова.

– Ничего? Ты уверен?

Один беззвучный кивок. Ладно, хоть этот момент мы прояснили.

Я сделала шаг назад и крепко обхватила его руками за пояс, чтобы не дать ему упасть. Но стоял он нормально, только сердце колотилось как шальное. И тут меня осенило: перегрелся на солнце! Ну еще бы, самое жаркое время дня, а он, как всегда, без головного убора.

– Ну-ка, пошли в тень. – Я отвела его в сторонку и усадила возле стены. – Вот так, потихонечку... Я тебе говорила, нельзя ходить без шляпы в такую жару. Нет-нет, сиди спокойно... Голова не кружится? Не тошнит?

На оба вопроса ответ был отрицательным.

– Ладно, посидим чуть-чуть. Торопиться некуда.

Вскоре он задышал ровнее. Взгляд вновь приобрел осмысленное выражение, губы порозовели. Своими ледяными, как у утопленника, пальцами он нащупал мои пальцы и ласково пожал.

– Спасибо, что не испугалась.

– Я испугалась, Нейл. Еще как испугалась!

Он слабо улыбнулся:

– Уже все прошло.

Я всмотрелась в него повнимательнее. Действительно, прошло. Само прошло, безо всякого вмешательства извне.

– А руки-то почему такие холодные?

В целом все выглядело так, как если бы у него внезапно подскочило, а затем снизилось давление. Похоже, но верится с трудом. Гипертония у такого молодого, здорового с виду парня? Парня, который гоняет по всему острову на мотоцикле, плавает как рыба и часами просиживает на солнцепеке с папкой и

карандашом?

Я вспомнила, как мы пробирались по каменистой тропе к руинам античного города, и мне стало дурно. Если бы его прихватило там, на самой верхотуре у сторожевой башни, не сидеть бы нам сейчас под этой стеной.

Через четверть часа он встал, свежий и отдохнувший, и как ни в чем не бывало двинулся к стоянке. Надеюсь, что это все же тепловой удар и ничего более, я велела ему умыться холодной водой из бутылки (вода была куплена в таверне у ближайшего перекрестка) и поинтересовалась, сможет ли он самостоятельно перемещаться на двухколесном транспорте, или мне следует погрузить его в автомобиль и доставить в медпункт, а с мотоциклом что-нибудь придумать.

Всё в порядке. Всё в полном порядке. Ему не нужна медицинская помощь, а чтобы он потерял способность управлять мотоциклом, требуется пуля в сердце, а не солнечный удар.

И правда, до Аделиано-Кампо мы добрались без приключений. А там, после купания и легкого флирта на пляже, все наши недомогания как рукой сняло.

Поздно вечером, сидя в кресле перед телевизором и ничуть не интересуясь происходящим на экране, я пробую проанализировать сложившуюся ситуацию. Мы познакомились – что тут такого? Мы вместе проводим время – с кем не бывает? И пусть он моложе меня, но лет тридцать-то ему есть наверняка, к тому же, независимо от возраста, наши отношения пока еще не вышли за рамки приличий.

Правда, я думаю о нем. А он, хочется верить, думает обо мне. Но это ничего не значит, вы же понимаете. Я думаю о нем – только и всего. И хотя исходящий от этого парня магнетический флюид по-прежнему представляет угрозу для моего спокойствия, совместными усилиями нам все же удастся держать ситуацию под контролем.

Прошло чуть больше недели. Мы виделись ежедневно. По утрам, едва продрал глаза, первым делом хватались за трубку телефона, будто соревнуясь, кто кому раньше позвонит. Когда я слышала его голос – низкий, глуховатый, – меня пробирало от макушки до хвоста. И за все это время ни слова о сексе. Словно ни ему, ни мне даже в голову не приходило превратить нашу дружбу в любовную связь.

Беглые ласки, скользящие прикосновения, долгие пристальные взгляды, полные беспричинной скорби... Он вел себя как рецидивист, испытывающий внутреннюю потребность помедлить перед очередным преступлением. Как человек, одержимый желанием, но по какой-то причине считающий своим долгом бороться с ним. Я же просто не могла заставить себя сделать первый шаг, учитывая разницу в возрасте. Быть может, это смешно, но мне казалось недостойным соблазнять мальчишку.

Вопреки обыкновению, я охотно рассказывала о себе, и Нейл внимательно слушал. Должно быть, это и побуждало меня к откровенности. Не часто удается заполучить собеседника, умеющего не только говорить, но и слушать. Большинство людей, как правило, слушает только себя. Этот же обладал уникальной способностью не только слушать не перебивая, но и запоминать услышанное, в чем я впоследствии убедилась.

О себе он говорил мало. Сказал только, что воспитывался в доме своей тетки по материнской линии вместе с двоюродными братьями и сестрой. Об отце почти ничего не знал и не видел ни одной его фотографии. Мать помнил хорошо, но это преимущественно детские воспоминания. Она умерла от какой-то болезни, когда ему было всего десять лет. Старший из братьев, Джеффри, на первых порах относился к нему с плохо скрытой враждебностью, называл «ведьминым сыном», повторяя, по всей видимости, отцовские слова, и норовил подставить, где только можно. Драки между ними происходили чуть ли не ежедневно. Повзрослев, они оставили прежние распри и, встречаясь на Рождество в стенах родного дома, общались безо всякой неприязни. Младший, Хьюго, всегда был тихим, безобидным, послушным ребенком – таким и остался. Нейла он побаивался, как, впрочем, и своего родного брата Джеффри. Кузина-ровесница по имени Этайн вела себя так, будто Нейл был членом их семьи от рождения.

Сын ирландской ведьмы. Рано остался без родителей. Все мои предположения в итоге оказались неверны.

Вскоре мы сообразили, что поездки на дальние расстояния, например, в Кносский дворец, удобнее и приятнее совершать на автомобиле, а мотоцикл оставлять в моем гараже. Несмотря на то, что такое решение напрашивалось само собой, пойти на это Нейлу оказалось нелегко. За руль я его не пускала, так что расстаться на время с мотоциклом для него означало расстаться с независимостью. Я хорошо его понимала, и именно это понимание позволяло мне вдвойне наслаждаться ситуацией. Когда он сидел на пассажирском сиденье, рассеянно поглядывая в окно, и ветер трепал его темные волосы, я чувствовала себя хозяином положения. Ведь если я, боже упаси, не справлюсь с управлением, и машина грохнется вниз с какого-нибудь обрыва или моста, он разобьется вместе со мной. Мне нравилась эта разновидность власти. К тому же у нас появилась возможность по ходу дела корректировать маршрут, делиться впечатлениями и просто трепаться.

Нейл закатывает свою «ямаху» в гараж и ждет меня на обочине дороги.

Ни разу он не поднялся на террасу, не постоял на краю бассейна, не говоря уж о том, чтобы зайти в дом. Впрочем, я не предлагаю. Что и говорить, мы оба ведем себя очень странно.

– Существуют определенные доказательства, что идея посвящения в мистический культ могла зародиться во Франции или Испании среди людей ориньяка[14 - Ориньяк – так, по имени французской деревни Ориньяк, в окрестностях которой были найдены археологические памятники эпохи палеолита, принято называть западноевропейскую культуру того периода.] или же проникнуть в Европу из Северной Африки. – Он говорит и непрерывно курит, пуская дым из ноздрей, как дракон. – Между кроманьонцами[15 - Кроманьонцы – название древней европейской расы, происходит от грота Кро-Маньон во Франции, где найдены останки людей и предметов каменного века.] и древними средиземноморскими расами Крита и Балеарских островов существовали явные религиозные и культурные связи: и здесь, и там обнаружены следы сходных тайных общин.

Он сидит, откинувшись на сиденье, расслабленный и грациозный, как балетный танцор. Что, интересно, нужно сделать, чтобы вывести его из терпения, заставить злиться и психовать? Выставив в окно согнутую руку, в которой дымится сигарета, он продолжает развивать свою мысль, даже не подозревая (или все-таки подозревая?), что его собственная история интересует меня куда

больше, чем история всех когда-либо живших на земле ориньякцев и кроманьонцев.

Вместе с небольшой группой туристов и их русскоговорящим гидом мы таскаемся по Кносскому дворцу-музею, хотя на улице тридцать градусов жары, а мой непутевый знаток древностей опять без головного убора.

– Хочешь, чтобы я купила тебе соломенную шляпку с бантиком? – злюсь я, при каждом удобном случае заталкивая его в тень. – Панаму в цветочек? Что, так трудно надеть что-нибудь на голову? Посмотри вокруг: все нормальные люди в кепках или бейсболках. И не вздумай упасть в обморок, я тебя на закорках не потащу. Я тебе не мамочка, так что предупреждаю...

– А кто? – паясничает он, благо у нас есть зрители. – Кто же ты мне, дорогая?

– Засранец, – говорю я по-русски, к восторгу своих соотечественников. – Сукин сын.

– Это я понял, – кивает Нейл и поднимает вверх обе руки в знак безоговорочной капитуляции.

После чего запускает руку в карман и достает жеваную бандану черного цвета с черепушками и скрещенными костями. Повязывает на голову, приосанивается: ну что, крутой я чувак? Я в изнеможении закрываю глаза.

Послушать гида тоже в принципе интересно. Меня бесят только многозначительные взгляды кумушек, чьи необъятные формы так и прут из коротких маечек и брючек-капри. Все они уже раскусили нас. Это как дважды два. Русская бабенка, определенно при деньгах, сняла себе молоденького иностранца, одного из тех, что вечно тусуются неподалеку от модных курортных местечек в ожидании спроса на свои сомнительные достоинства. Да вы посмотрите на него – длинноволосый неформал, левша, бездельник, избалованная скотина. И эта дура, которая кудахчет над ним, как наседка.

Нейла все это ни капли не смущает. Наоборот, исподтишка наблюдая за мной и за остальными, он испытывает своеобразное удовольствие, сродни тому, какое получаю я, катая его на пассажирском сиденье своей машины. Экскурсия ему, ясное дело, не нужна, про Кносский дворец он знает больше любого гида,

поэтому, не понимая ни слова, просто слушает с интересом русскую речь и наслаждается моим смятением.

Самая грозная и таинственная часть дворца – лабиринт Минотавра – закрыта для посещения. Будто бы из-за угрозы обвала. Но Нейл шепотом сообщает мне, что эта мера предосторожности была предпринята после того, как несколько энтузиастов от науки, а вслед за ними и целая группа археологов-любителей сгинули без следа в мрачном подземелье, причем произошло это не триста лет назад, а совсем недавно, в конце XX века.

– Ты считаешь, Минотавр все еще там? Но ведь Тесей убил его.

– Кто знает, – пожимает плечами мой спутник. – Ведь живых свидетелей не осталось.

На выходе из так называемого коридора процессий к большим южным пропилям он роняет зажигалку, и стройненькая блондинка лет семнадцати в коротких джинсовых шортиках неожиданно подбирает ее и подает ему. Он рассеянно благодарит. Бормочет своим хриплым баритоном: «Thank you». Мамаша и папаша начинают встревоженно переглядываться. Мой фений[16 - Фений – в древней Ирландии воин так называемой фианы, то есть дружины, самым прославленным вождем которой был Финн Мак Кумал.] и девочка, отстав от группы, обмениваются несколькими фразами, и мне, плетущейся в хвосте, удастся разобрать последнюю: «I'm hard to please». «Мне трудно угодить». Подумать только, этот гад сообщает ей, что ему трудно угодить...

Уж не знаю, о чем у них там идет речь, в любом случае это переходит всякие границы. Слава богу, девчонка догоняет своих родителей, а Нейл присоединяется ко мне. Я готова его растерзать.

– Все в порядке? – спрашивает он, не выпуская изо рта сигарету.

– Да, конечно. А у тебя? Тебе не скучно здесь?

Он снимает темные очки и пристально смотрит на меня, щурясь против солнца.

– Мне никогда не бывает скучно.

– Рада за тебя. А дворец царя Миноса представляет для тебя какой-то интерес? Или ты уже столько раз бывал здесь, что тебе знаком каждый камень?

– Дворец хорош. На мой взгляд, сэр Артур Эванс реставрировал его слишком рьяно, но в целом...

На обратном пути он долго молчал, глядя в окно со своей стороны и время от времени делая глоток из бутылки. Пьет пиво, мерзавец. А я – я за рулем.

Так что же произошло? И почему я до сих пор чувствую себя оплеванной?

И вдруг он произнес, вернее, проронил, как роняют камень:

– Ты стыдилась меня.

Прямо в точку. Мгновенно я покрылась потом с головы до ног.

– Да.

Голос мне изменил, поэтому мое «да» прозвучало как «кар-р», к тому же я сказала это по-русски.

– Ты первая женщина, которая стыдится бывать со мной на людях. – Он помолчал, искоса разглядывая мой профиль. – Не думал, что такое возможно.

– Не думал? Понимаю. Ты к этому не привык. – Я почувствовала, как сузились мои глаза, как участилось дыхание. Я крепче вцепилась пальцами в руль. – А почему не привык, как тебе кажется? Может быть, потому что ты красив?

Он коротко кивнул:

– Мне говорили.

Увидишь такого – и перехватит дыхание. Как у той малышки в джинсовых шортах.

– Многие?

– Какая разница.

– В этом-то все и дело, – вырвалось у меня. – Тебе наплевать. Наплевать на то, как ты выглядишь со стороны. Наплевать на то, что подумают люди...

Мне бы помолчать, но нет, куда там. В ступор я впадаю, только когда нужно принять по-настоящему серьезное решение.

– Что они подумают? – Повернувшись на сиденье, он уставился на меня своими невозможно зелеными глазищами. – Но почему тебя это беспокоит?

– Видишь ли, – съязвила я, – это издержки хорошего воспитания.

– Хорошего воспитания? – Он кашлянул, пряча улыбку. – Вообще-то это называется по-другому.

– И как же?

– Ханжество.

Жаль, я не видела его лица, когда он произносил это слово. А может, и хорошо, что не видела, иначе непременно вцепилась бы ногтями. Глядя на дорогу через лобовое стекло, я мысленно сосчитала до десяти и только после этого заговорила:

– Послушай, если ты собираешься продолжать в том же духе, разумнее будет закончить все прямо сейчас. Пока мы еще не...

Я запнулась, подыскивая подходящий эвфемизм для обозначения того единственного, чем мы еще не занимались вместе.

– ...не зашли слишком далеко? – услужливо подсказал Нейл.

– Вот-вот.

– А почему ты этого боишься? И что такое, по-твоему, «слишком далеко»?

– Ты знаешь.

– Дай подумать. Ага... вероятно, секс. Ты, как и большая часть населения нашей отсталой планеты, придаешь этому слишком большое значение. Неоправданно большое. Тогда как секс, точнее, совокупление двух особей противоположного пола – всего лишь физиологический акт, затрагивающий, правда, и ментальную, и эмоциональную сферы, но при этом продолжающий оставаться физиологическим актом и ничем более. – Я хотела прервать его, но он с силой сжал рукой мое колено и подался ко мне всем телом, пытаясь заглянуть мне в глаза. – Слушай, Елена, мы вместе уже две недели. За это время я узнал тебя лучше, чем некоторых за целую жизнь. И ты считаешь, что ничего особенного не произошло? Скажи, ты на полном серьезе так считаешь? Что еще не поздно прикинуться незнакомцами, абсолютно чужими людьми? Только потому, что мы еще не ложились в одну постель. А что изменится после того, как ляжем? Объясни мне, бога ради, что изменится? Мы вдруг станем другими? Близкими, любящими, родными... Из-за чего? Из-за того, что моя сперма попадет в твоё влагалище? Только это и имеет значение, да? Только это и делает людей...

Я ударила по тормозам так, что его швырнуло на панель приборов. Остановилась у обочины.

– Вон отсюда. Вылезай из машины и добирайся как знаешь.

Ему потребовалась минута, чтобы прийти в себя. С тайным злорадством я отметила, что на лбу у него заблестели мелкие капельки пота. Но голос остался ровным.

– Ты забыла, дорогая, что мой мотоцикл находится в твоём гараже.

– Тогда заткнись и сиди молча.

– Как скажешь.

Я снова выехала на дорогу.

– И прекрати курить. Мне надоел этот запах в салоне.

– Слушаюсь.

Сидеть без движения, не разговаривать и даже не курить было, как мне кажется, нелегко, но Нейл держался. Моя стервозность проявила себя в полной мере, и все же пришлось признать, в его лице я обрела достойного противника – упрямого, злопамятного, красноречивого, изобретательного.

– До завтра? – спросил он, выкатывая мотоцикл из гаража.

Я полюбовалась его стройной фигурой, тонкими, изысканными чертами лица. Породистый мальчик, но слишком много хлопот.

– Извини, Нейл. Я больше не хочу встречаться с тобой. Спасибо за все.

Он уже сидел на своем мустанге, готовый стартовать, но, услышав эти слова, замер, упираясь каблуками в землю, глядя на меня немигающим взглядом.

– Попробуй еще раз, Елена.

– О чем ты?

– Попробуй встретиться со мной еще раз, – попросил он шепотом.

Я нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

– Нет, Нейл. Все это бесполезно.

– Предпочитаешь лить слезы над убежавшим молоком?

– Что ты имеешь в виду? – немедленно ошетибилась я.

– Твое прошлое. Твоего бывшего мужа, который многие годы был гарантом твоего безоблачного счастья.

Ни разу в жизни я не била человека по лицу. Не знаю, как это делается, и не представляю, что может вынудить меня совершить столь чудовищный поступок.

Но кулаком в солнечное сплетение я ему все-таки врезала. Он поймал мою руку и рывком подтянул меня к себе.

– Стой спокойно, Елена. Я не хочу делать тебе больно.

– Пусти!

– Нет, пока не выслушаешь. Сколько можно оплакивать свои вымышленные потери? Ты красивая, здоровая, умная женщина...

Заткнись! Мне хотелось завизжать. Заткнись-заткнись-заткнись!.. К счастью, я понимала, что буду выглядеть как дура (каковой, скорее всего, и являлась, вопреки его убеждению), поэтому ограничилась злобным ударом каблука по его щиколотке.

Не меняясь в лице, он до хруста сжал мои пальцы.

– Хочешь еще? Я ведь предупреждал.

– Ч-черт, – прошипела я сквозь зубы. – Я это запомню, учти.

Усмехнувшись, он разжал пальцы и оттолкнул меня.

– Так-то лучше.

Эта скрытая превосходящая сила – вот что всегда застает меня врасплох. Я забываю о том, что мужчина – любой мужчина – по определению сильнее физически.

– И перестань, наконец, лелеять свои несчастья. Пора уже отправить весь этот хлам на помойку.

Я уже взялась за калитку, но тут остановилась как вкопанная.

К чему тащить за собой весь этот хлам?

Боже, я не ослышалась? Тот демон из сна...

– Нейл, – спросила я еле слышно, – ты что-нибудь знаешь об Инанне?

– Конечно. Вечером позвоню тебе и расскажу.

6

– ...и вот она облачилась в королевские одежды, готовая войти в страну, из которой нет возврата, в мир смерти и тьмы, где правит ее сестра и ее враг, богиня Эрешкигаль. Опасаясь, что сестра может убить или пленить ее, Инанна велела своему посланнику Ниншубуру ждать три дня, после чего отправляться к остальным богам и просить их о помощи. Спустившись в нижний мир, она приблизилась к замку, у ворот которого ее встретил привратник и спросил, кто она и зачем пришла. «Я царица небес – того места, где восходит солнце». – «Если ты царица небес, то зачем явилась ты сюда – в страну, из которой нет возврата?» Инанна ответила, что пришла поприсутствовать на церемонии похорон мужа своей сестры, господина Гугаланны, и привратник попросил ее подождать, пока он доложит об этом Эрешкигаль. Ему было велено отворить перед царицей небес семь врат, но согласно обычаю перед каждым вратом снимать с нее часть одежд. Итак, перед первыми вратами была снята шугурра, «корона равнины», с ее головы. Перед вторыми вратами был взят у нее жезл из лазурита. Перед третьими вратами с шеи было снято ожерелье из лазурита. Перед четвертыми вратами с груди были сняты сверкающие камни. Перед пятыми вратами с руки было снято золотое кольцо. Перед шестыми вратами с груди был снят королевский нагрудник. Перед седьмыми вратами все одежды пресветлой госпожи были сняты с ее тела. Обнаженную, ее подвели к трону Эрешкигаль...

Сама не знаю, что именно в облике или характере этого парня пробудило мою годами пребывавшую в состоянии летаргии врожденную кровожадность. Глядя на его гибкое худощавое тело, простертое на пляжном полотенце или прямо на земле где-нибудь в горах, я часто предавалась фантазиям, которые служили ширмой для моих тайных предосудительных желаний: о греческих юношах,

растерзанных вакханками; о царских сыновьях, похищенных и проданных в рабство; о пленных воинах-чужеземцах, чья кровь веками проливалась на алтарь Великой Богини, Матери всего сущего.

Насилие. Меня преследовали мысли о насилии. Поглаживая тонкие запястья Нейла (на правом – золотой браслет), я буквально заболела. В своих мечтах я видела их скованными стальными наручниками, опутанными веревками, стертыми или даже содранными в кровь. Отчаянный гонщик, насмешник, шут – как бы ты повел себя, случись нечто подобное? Сновидение, прыжок во времени, галлюцинация – все что угодно. Каким бы ты оказался, если бы...

Наличие шрамов, оставшихся на месте порезов, дополнительно подстегивает воображение. Он сделал это. Сделал с досады, со злости. Значит, никаким паническим страхам перед физической болью, перед кровью он не подвержен. В таком случае, почему бы мне... На этом месте я неизменно тормозила и, во избежание недоразумений, поспешно направляла свои мысли в более безопасное русло.

Сегодня он молчалив. Но не оттого, что перегрелся, и не оттого, что ему нечего сказать, – просто опасается брякнуть что-нибудь не то. Я сижу на камне, лениво обзревая окрестности, Нейл растянулся на травке возле моих ног. Дело происходит в тенистой долине, густо заросшей лиственными деревьями и кустарником, в трех километрах от ущелья Коцифи, откуда мы выехали час назад. Здесь не так жарко, как на побережье. Запах душистых трав щекочет ноздри. Я не очень-то разбираюсь в травах, но знаю, где-то поблизости наверняка можно встретить шалфей, тимьян, розмарин и знаменитый критский орегано.

Нарочно стараясь меня раздражить, Нейл снял рубашку, повесил ее на куст и разлегся передо мной на траве, как сонный ягуар. Застиранные джинсы туго обтягивают бедра, черный кожаный ремень подчеркивает мальчишескую стройность фигуры. Гладкая, загорелая кожа, пахнущая морем, плоские мышцы живота. На рынке рабов ему бы цены не было.

На меня он не смотрит. Лежит на боку, подперев голову согнутой в локте рукой. Один из задних карманов заманчиво оттопыривается, и, бесцеремонно запустив туда руку, я извлекаю складной охотничий нож. Ого! Довольно острый. Я провожу пальцем по лезвию. Откинувшись на спину, Нейл внимательно наблюдает за мной из-под длинных ресниц.

«Можно», – читаю я по его губам.

Можно? Что именно?

После минутных колебаний я легонько подталкиваю его в бок. Повинуясь безмолвному приказу, он перекачивается со спины на живот. Что дальше? Сердце мое стучит как шальное. Но медлить нельзя (что, если он передумает?), поэтому я проворно перекидываю через него левую ногу и с нарочитой небрежностью усаживаюсь верхом. Так-то вот, юноша... Сидеть на его мускулистой заднице очень приятно.

Он бросает на меня взгляд через плечо, и я вижу его улыбку. Коронную улыбочку лгуна, шута и хитреца. Когда она раздвигает его губы, лицо меняется до неузнаваемости. Вот такие типы по ночам совершают налеты на мини-маркеты и бензоколонки, грабят одиноких прохожих и затевают драки на дискотеках.

Стараясь держать себя в руках, я провожу лезвием ножа, для начала плашмя, вдоль его позвоночника. На коже остается тончайшая поверхностная царапина. Но руки-то, руки у него все еще свободны, и он немедленно напоминает мне об этом, щекоча внутреннюю сторону моего бедра. Он дразнит меня! Теперь я должна либо отступить, превратив все в невинную шутку, либо... Либо – что?

Отложив нож, я задумчиво поглаживаю его поясницу над поясом джинсов. Нагибаюсь и, подсунув под него обе руки, нащупываю пряжку ремня. Улыбка сползает с его лица, но он по-прежнему не оказывает ни малейшего сопротивления. Даже наоборот: приподнимается, чтобы мне было удобнее расстегнуть ремень и вытащить его из петель.

– Руки назад.

И вновь он подчиняется, только недоуменно поводит плечами, будто сомневается в серьезности моих намерений.

Старательно я стягиваю ремнем его запястья. Стягиваю туго, не обращая внимания на то, что местами жесткий край ремня так врезается в кожу, что она сразу оказывается стертой до красноты.

– Юный охотник Загрей, растерзанный неистовыми жрицами богини Геры. – Подавшись вперед, я хватаю его за волосы, резким движением оттягиваю голову назад и приставляю лезвие ножа к его шее. – Этот образ волнует тебя?

– Конечно, – отвечает он тихо, не открывая глаз.

– А ты пробовал представить себя на его месте?

Он усмехается краем рта, смущенно и вместе с тем развязно, как человек, которому есть что вспомнить. Я легонько царапаю его острием ножа. Не шею, всего лишь плечо.

– Пробовал, и даже не раз.

– Расскажи мне.

– Совсем недавно я пробовал сделать это перед сном, уже будучи знаком с тобой. А до этого... – Он снова усмехнулся. – Ну, было как-то раз. Много лет назад, еще в студенческие годы. Я заканчивал университет...

– Где?

– В Оксфорде.

Ничего себе! Маленький приемыш получил превосходное образование. Браво, дядюшка и тетушка.

– Так что же случилось в Оксфорде?

– Ну-у... – тянет он, поддразнивая меня уже в открытую, – сама знаешь, эти маленькие университетские городки – там может случиться все что угодно.

– Под маской благопристойности, – подхватываю я, нацелившись острием ножа ему под лопатку, – там процветают все пороки мира. Там зреют заговоры, там... ах, гаденыш. Ты будешь отвечать на вопрос или нет?

– А тебе нравится допрашивать мужчину?

– Мальчишку, – вношу я поправку.

– О! – Еще одна короткая усмешка и ни слова больше.

– Учти, я не собираюсь развязывать тебе руки, пока ты не ответишь на мой вопрос.

– В таком случае мы проведем здесь много времени. Конечно, рано или поздно мне захочется есть, пить, курить, да и тебе, моя дорогая, все это до смерти надоест.

– Только это и заставит тебя заговорить? – уточняю я с угрожающим спокойствием. – Я правильно поняла? Только голод, жажда или скука.

Правила игры ему известны. Он говорит именно то, что должен сказать. Изображает строптивого невольника, в то время как я – надменную госпожу. Пока что это довольно забавно, во всяком случае никто не возражает.

– А как насчет боли, мой принц? Тебе разве не больно?

С этими словами я просовываю рукоятку ножа – сложенного, разумеется, – между его скрещенных запястий, после чего с намеренной жестокостью принимаюсь затягивать и перекручивать петли ремня. Нейл оказывает запоздалое сопротивление, сжимая кулаки и напрягая мышцы рук, но этим только укрепляет мою решимость разговорить его во что бы то ни стало.

– Да, – произносит он после паузы. – Есть немного.

Его высокомерие оскорбительно. Улыбка со стиснутыми зубами.

– Ты готов отвечать?

– Остынь, сиятельная, смени гнев на милость. Стоит ли ворошить прошлое? – Он закусывает губу и вздрагивает от смеха. – Ну ладно, ладно, расскажу.

- Что значит «ладно»? Ты делаешь мне одолжение, что ли?
 - Нам обоим. Думаю, тебе, как и мне, не очень хочется сидеть тут до ночи.
 - Наглец! Впервые вижу такого наглеца. Ну, рассказывай.
 - Сперва развяжи, - говорит он тихим голосом, просительно шевельнув кистями рук.
- Нагнувшись, я поочередно целую их - левую, потом правую - прикусываю зубами золотой браслет, вдыхаю запах буйволиной кожи от ремня.
- Ладно, не развязывай. Оставь, - произносит Нейл со вздохом. - Вижу, тебе это нравится.
 - Я развяжу тебя после того, как услышу твой рассказ. Итак, ты жил в студенческом городке, ты оканчивал университет... и что?
 - Уверена, что хочешь знать? Это достаточно скабрзная история. Лично мне потребовалось время, чтобы переварить ее. Не то чтобы я раскаивался в чем-то, раскаиваться вообще не в моих правилах, но некоторые угрызения все же имеют место. Мне жаль, что я так и не сумел искоренить в себе преступной, с точки зрения мелкобуржуазной морали, привычки превращать трагедию в фарс и возмездие в суперприз. Ужасно, не правда ли?
 - Длинное предисловие, - замечаю я. - Только не говори, что я первая, кому ты об этом рассказываешь.

Он скалит зубы - гнусный обманщик, не ведающий угрызений совести. Выпускник Оксфорда с губительным обаянием шекспировского Оберона[17 - Оберон - в средневековой европейской традиции король эльфов, сын феи Морганы и Юлия Цезаря. С XV века известны случаи призывания его в магических целях под именем Обериона или Оберикома. В английской литературе (у Шекспира и др.) Оберон - грациозный и непостоянный дух, уступающий могуществом своему легендарному прототипу.].

– Должен признаться, в то время я встречался с двумя девушками одновременно. То есть не одновременно, а, так сказать, параллельно. С Чарлин я познакомился на клубной вечеринке, она только что поступила на историко-археологический факультет, а с Мэри, которая уже целый год трепала мне нервы, все собирался, да так и не смог расстаться. Глупо, да?

– Не то слово, – вздыхаю я. – Ты что же, имел их обеих?

– Боюсь, что да.

– И долго это продолжалось?

– Месяцев пять или шесть.

– За это время можно было принять решение, как ты считаешь?

– Сначала я и сам так думал. Потом решил лучше узнать Чарлин. Что, если она окажется еще скандальней, чем Мэри? Так и пошло. День за днем, неделя за неделей. Они учились на разных факультетах, общих знакомых не имели. Словом, все было шито-крыто. И постепенно я успокоился, даже начал гордиться собой.

– Вот скотина!

– То же самое говорил мне мой друг, с которым мы делили комнату в общежитии. Он один был в курсе дела. Учитывая его близкое соседство, от него было трудно что-либо утаить. Не знаю, на кого из них он запал, на Мэри или на Чарлин, обе они были девки хоть куда, но в один прекрасный день не выдержал и раскрыл им глаза на все мои безобразия. Да-да, представь себе, это сделал мой лучший друг, с которым мы за время обучения в университете разве что из одной тарелки не ели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Сноски

1

Палиндром (перевертень) – слово, фраза или стих, одинаково читающиеся слева направо и справа налево, например, «кабак».

2

Протей – в греческой мифологии морское божество, обладающее пророческим даром и способностью принимать любой желаемый облик.

3

В ветхозаветном предании жена Лота, племянника Авраама, была превращена в соляной столп за то, что нарушила запрет Яхве и оглянулась назад, когда ангелы выводили семью Лота из гибнущего в огне города Содома.

4

Сошествие в ад (лат.).

5

Бхагавад-Гита, глава 11: Вселенская форма.

6

Баст – в египетской мифологии божество Луны, отражающей свет Солнца. Священное животное Баст – кошка. Изображали Баст в виде женщины с головой кошки; ее атрибут – музыкальный инструмент сistr. Древние греки отождествляли Баст с Артемидой.

7

Мананнан Мак Лир – в ирландской мифологии бог морской стихии, покровитель торговли и мореплавания, а также подземного мира, бездны, всего иррационального.

8

Джозеф Кэмпбелл. Тысячеликий герой.

9

Кафоликон – буквально «всеобщий». Центральный собор греческого монастыря.

Книга Екклесиаста 12:7.

Шри Рамакришна «Парамахамса». Целиком цитата выглядит так: «Ум связывает человека, ум же его освобождает. Если я думаю абсолютно свободно, то, живу ли я в мире или в лесу, в чем моя несвобода или мои оковы? Я дитя Бога, сын Царя Царей, кто может связать меня?».

Загрей – буквально «великий охотник», «великий ловчий». В греческой мифологии одна из архаических ипостасей бога Диониса, сын Зевса Критского и богини Персефоны. По приказанию богини Геры титаны выследили Загрея и напали на него, намереваясь убить. Некоторое время он боролся с ними, превращаясь то в дракона, то в тигра, то в быка, но в конце концов, подстрекаемые Герой, они растерзали юношу. Зевс в ярости низверг титанов в Тартар, опалил мать титанов землю страшным пожаром, а затем послал на нее потоп. Образ Загрея вошел в теогонию орфиков, которые связывали с ним целую систему философско-мифологических идей. Загрею были посвящены орфические таинства. Ряд мифов связан с воскрешением Диониса-Загрея, сердце которого спасла Афина. У автора IV века Фирмика Матерна содержится подробный рассказ о растерзании Либера-Загрея, сына критского царя Зевса.

Гваихир, Повелитель Ветров – один из великих Орлов Севера, вместе со своими сородичами неоднократно приходивший на помощь эльфам, людям и хоббитам в

их общей борьбе с силами Тьмы в эпосе Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец».

14

Ориньяк – так, по имени французской деревни Ориньяк, в окрестностях которой были найдены археологические памятники эпохи палеолита, принято называть западноевропейскую культуру того периода.

15

Кроманьонцы – название древней европейской расы, происходит от грота Кро-Маньон во Франции, где найдены останки людей и предметов каменного века.

16

Фений – в древней Ирландии воин так называемой фианы, то есть дружины, самым прославленным вождем которой был Финн Мак Кумал.

17

Оберон – в средневековой европейской традиции король эльфов, сын феи Морганы и Юлия Цезаря. С XV века известны случаи призывания его в магических целях под именем Обериона или Оберикома. В английской литературе (у Шекспира и др.) Оберон – грациозный и непостоянный дух, уступающий могуществом своему легендарному прототипу.

Купить: https://tellnovel.com/ru/voroncova_tat-yana/teni-utrenney-rozy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)